

От победителя премий «Еврокон»//лучший дебют,
«Бегущая по волнам», «Книга года по версии Фантлаба»

КАРИНА ДЕМИНА

ПОЧТИ
ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ
ВОСТОК

Дикий, дикий запад

Карина Демина

Почти цивилизованный Восток

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Демина К.

Почти цивилизованный Восток / К. Демина — «Издательство АСТ», 2023 — (Дикий, дикий запад)

ISBN 978-5-17-155648-8

Заговор раскрыт, злодей повержен, и мир, что характерно, уцелел. Вот только девушки продолжают пропадать, запретные ритуалы проводятся, а за закрытыми дверями одного весьма известного клуба вовсе творится нечто престранное. А стало быть, есть работа. Пусть даже на цивилизованном Востоке работать не принято. Особенно леди. Леди должна вести хозяйство и радовать мужа? Милисента попытается. Честно. А если что-то пойдет не так, то она не виновата.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155648-8

© Демина К., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1, в которой барышня из приличной семьи находит приключение	6
Глава 2, в которой приключение барышни продолжается, а у самой молодой особы появляются некоторые сомнения в правильности выбранного пути	12
Глава 3, где случаются новые знакомства и встречи	16
Глава 4. О том, что силы духа порой недостаточно	21
Глава 5, в которой обстоятельства смущают	26
Глава 6, где речь заходит о родовых тайнах и прошлом, пусть и не совсем отдаленном	33
Глава 7. О разбитых надеждах и коварных обманщиках	38
Глава 8, в которой случается более близкое знакомство со свекровью к обоюдному неудовольствию	45
Глава 9, где снова появляется работа по профилю	50
Глава 10. О том, что рано или поздно, но утро случается	55
Глава 11. О том, что порой весьма полезно подглядывать	62
Глава 12, в которой речь идет о дорогих родственниках и глубокой к ним любви	69
Глава 13, где разговор идет о крепкой родственной любви	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Карина Демина

Почти цивилизованный Восток

© К. Демина, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Оформление – Марина Самойлова

Иллюстрация на обложке – Anne Svart

* * *

Глава 1, в которой барышня из приличной семьи находит приключение

*Он был женат пять раз, а потому в ведьмах понимал куда большие
иных храмовников.*

Из жизни обывателя

– Дорогая. – Его губы коснулись ладони, и прикосновение обожгло даже сквозь перчатку. Кровь моментально прилила к щекам Эвы, а сердце заколотилось с такой силой, что стало страшно. – Все будет хорошо, дорогая... поверь мне.

Эва кивнула.

– Вот, выпей. – Человек, лучше которого в мире не существовало, поднес флягу. Три глотка.

Первый дался тяжелее всего. Содержимое фляги было густым и тягучим, а еще горьким и одновременно – приторно-сладким. Что-то чувствовалось в нем знакомое, напоминающее запахом содержимое хрустального графина маменьки.

Того самого, трогать который Эве запрещали строго-настрого.

А еще из фляги пахло травами. И запахи эти, и вкусы тревожили. Или дело не в них, а просто Эва уродилась такой вот тревожной?

Или... нет.

Это Происшествие сделало ее такой.

– Пей же. – Показалось, что в голосе Стефано проскользнули раздраженные нотки.

Конечно, показалось.

Он... он просто волнуется. В любой момент Эвы могут хватиться. И даже... даже с учетом того, что Энни обещала, даже клялась своей красотой, это еще ничего не значит. И надо спешить. А Эва опять не способна сделать даже ту малость, которая от нее зависит.

Всего-то...

Второй глоток. И ощущение липкой сладости во рту. Его хочется смыть водой. Но воды нет, а есть крепкие руки Стефано.

– Умница, девочка. Осталось немного. Сейчас ты уснешь. Очень крепко уснешь, – его голос теперь звучал мягко. Но флягу Стефано не убрал. – Давай еще. Пей, милая, пей...

Травы...

Чабрец, собранный на растущую луну. Безобидная травка, как полагают многие. И аптекари согласны. Сушая правда, между прочим. Полезная даже. И лихорадку лечит, и легочные хвори, а еще многое иное. Но это если обычный. Для Тори собирали иной чабрец, что появлялся на краю старого семейного погоста. Хрупкие лиловые веточки ломались в пальцах и норовили вовсе рассыпаться трухой.

Маменька тогда поджимала губы, и в этом снова виделся упрек.

Будто... будто Эва виновата в том, что случилось.

Голова закружилась.

– Ляг. – Стефано не отпускал ее. – Закрой глаза. Не сопротивляйся. Поверь, все будет хорошо.

Кажется, на Эву швырнули плащ.

У чабреца вкуса почти нет, только аромат. Некоторые мешают его с чаем, но маменька полагает, что это признак дурного вкуса. Чай если и можно с чем мешать, так это с молоком и лимоном. И то...

Мысли путались.

– Ну что она?

– Крепкая. – Голос Стефано теперь доносился словно издалека и сделался таким... таким... незнакомым. Из-за зелья. Могильный чабрец приносит облегчение при болях. И может снимать судороги. Особенно если смешать его с аконитовым соком. Но и аконит нужен непростой, болотный, черный. Он ядовит, а потому следует проявлять особую осторожность. И капли на коже хватит, чтобы сердце забилося быстрее.

И еще быстрее.

И...

– Других вон с глотка вело, а эта три сделала.

– Не многовато?

– В самый раз.

– Ну... не знаю... она вона, какая-то белая вся. Не окочурилась бы ненароком.

Шеи коснулись ледяные пальцы, потом они же ошупали руки.

– Много ты понимаешь. Это ведь девица из благородных. – В голосе Стефано прозвучала такая нежность, что Эва с трудом удержала улыбку.

Все будет хорошо.

Все обязательно будет хорошо.

Она ведь... она поступает дурно. Но маменька и тем паче отец никогда не дали бы согласия на брак. Пусть даже других желающих взять Эву в супруги и нет. Родители Стефано тоже будут против. Ему предназначали другую невесту, и хотя о помолвке еще не объявили, но ведь слово дано. Сама эта мысль заставляла душу гореть огнем. И Стефано тоже не радовался. Вот и предложил побег, а Эва все не соглашалась, не соглашалась, пока не представила, как будет жить дальше.

Одна.

Старая дева. И вечная сиделка при Тори, а она ведь не виновата! Она ведь действительно не виновата... И Эва решилась. Она оставила письмо. Энни передаст. Потом. Позже. Маменька, конечно, рассердится. И отец. Но поймут.

Обязательно.

Поймут и простят.

А потом Эва вернется домой. Обязательно вернется, пусть не сразу, но когда Стефано получит дядюшкин титул и она станет графиней... графиня Шербери, это ведь красиво... они и простят.

И обрадуются.

– Живая. – Пальцы убрались. – Просто Силы в ней прилично, хоть с виду и не скажешь, но камушек еще не ошибался. Видишь, как ярко горит? Стало быть, не просто одаренная, а с сильной искрой. Заказчик будет доволен.

Плащ накинули на лицо, и дышать стало неудобно.

А на плащ швырнули сено. И еще. И... так надо.

Для безопасности.

За Стефано тоже следят.

Странно, что мысли не исчезли. Обычно, когда Эва засыпала, она не видела снов, просто проваливалась в густую тягучую черноту. А тут такое ощущение странное. Тело вот она тоже ощущает. Все. И мизинец на левой ноге, натертый новыми ботиночками. И прыщ на пояснице, к которому горничная прикладывала корпию с касторовым маслом, но то не помогло.

Горничную жаль.

Она хорошая. И всегда Эву утешала. И даже как-то притащила ей булочку с кухни, хотя маменька строго-настрого запрещала Эве есть булочки. От них прыщи и появлялись, и ладно бы только на спине.

Нет.

На лице тоже.

Правда, сейчас лицо словно окаменело. И тело. Мысли плавали, и приходилось делать усилие, чтобы задержаться хоть на чем-то.

Брат уехал.

Вовремя. Он бы точно не допустил побега. И долго, нудно отчитывал бы Эву. А Стефано... нет, он хороший, а Бертрам просто не понимает, каково Эве.

Никто не понимает.

А Стефано понял и... и чудо, что он есть.

Эва потянулась к нему и поняла, что это происходит снова! Она не хотела, она... она боялась! Но теперь страх тоже был каким-то не таким.

Из-за трав.

Кладбищенская ромашка имеет особый вкус, правда, почему-то только Эва его ощущает. Может, права маменька, что дело не в ромашке, а в мнительности Эвы? И... и в том, что ромашку добавляли в вечерний отвар. Вместо чая.

Вот она и привыкла.

Под вкусом ромашки хорошо маскировать иные травы. Красную кровохлебку и ядовитый лютик, тот, который болотный.

Странная смесь, если разобраться.

Эва знала о свойствах... и поднялась. *Выйшла* и увидела... себя, укрытую плащом. Не слишком чистую солому, местами и вовсе смешанную с каким-то мусором. Крышку, которую ставят на ящик. И сверху наваливают мешки. От мешков исходит дурной запах, который пробивается вниз, под крышку. И будь Эва в сознании, она бы точно лишилась чувств от этой непередаваемой вони.

Ящик зацепляют. И тянут.

Ставят на повозку к таким же ящикам. И Стефано деловито ходит вокруг.

Волнуется.

Хоть кто-то тревожится о ней, об Эве... и от радости вдруг стало легко-легко, настолько, что нить, соединяющая душу с телом, истончилась до крайности.

И Эва заставила себя успокоиться.

Надо... после Происшествия маменька строго-настрога запретила ей использовать Дар. И правильно. Ведь могло бы повториться. И... и вообще, к чему это?

Девушке из хорошей семьи надо думать о вещах действительно важных.

Например, о замужестве.

А не о путешествиях души вне тела.

– Не жалко ее? – поинтересовался кривой и поразительно некрасивый возница, забираясь на козлы. Он и двигался как-то боком, да и Эва видела темное облако, окружавшее этого человека.

Проклятье.

И давнее. Пусть даже несформированное, неоформленное и какое-то... какое-то не такое, будто сплетенное из разных... точно. Как интересно!

Эва впервые такое видит.

– Сама виновата, – пожал плечами Стефано и ловко забрался в фургон. Тот был грязен и невзрачен и ничем не отличался от прочих, заполонявших городок.

Вот возница цокнул языком, свистнул, и меланхоличная лошадь тронулась с места. Загрохотали колеса по мостовой, и ящики затрясло.

Будь она в сознании...

Стефано пополз куда-то вперед, где обнаружился закуток, отгороженный от основной части фургона доской. Места там было мало, но Стефано всегда отличался какой-то невероятной стройностью. И это его смущало. А Эве, наоборот, нравилось.

Виделось в этой subtilности и хрупкости нечто донельзя изысканное. Благородное. Как в книге, где сила не важна, а главное – красота души.

Ехали.

И ехали.

Долго. Она уже и заскучала. Верно, поэтому и решилась... ну еще потому, что возвращаться в тело не хотелось категорически. Ладно, когда оно просто спит, но сейчас-то тело лежит запертое в тесном ящике, а его окружают вонючие мешки.

...Но до чего ведь хорошо вышло!

Маменька с утра получила письмо, что брат возвращается. Правда, толком Эва не поняла, один ли, с невестой ли... и останется ли та невестой после возмутительного побега. Маменька, когда о нем узнала, чувств лишилась, а потом неделю вовсе в постели провела с мигренью и недомоганием. Правда, услышав, что Бертрам отправляется следом, как-то взяла и поправи-лась.

И даже потребовала оставить безумную идею, но...

Неважно.

Колеса перестали подпрыгивать, и лошадка прибавила шагу. Бедная. Ящики выглядели тяжелыми. А Эва всегда лошадей любила. Правда, те не отвечали взаимностью, но так что ж...

Главное, что маменька после отъезда Бертрама сделалась совсем невыносимой. А письмо получила и обрадовалась. И вовсе в городской дом отбыла, потому как его надлежало подгото-вить к возвращению брата. А еще с собой Камиллу прихватила, которая в ином разе точно заподозрила бы неладное. То ли дело Ниса. Ниса Эву любила и жалела.

И отпускала на вечера к Энн.

Что...

Все-таки чем так воняет-то?

А Стефано, изогнувшись совершенно невообразимым образом, разделся. И костюм сло-жил бережно. А потом облачился в какие-то обноски. Вытащив из груды соломы ящик, извлек оттуда флакон и тряпицу. И, смочив ее, принялся тереть лицо.

Зачем?

Эва открыла рот. Белая кожа вдруг потемнела, будто... будто Стефано загорал. Вот он коснулся пальцами глаз и вытащил оттуда что-то, отчего глаза из ярко-голубых, завороживших когда-то чистотой и цветом, сделались коричневыми.

А его волосы... он потер их полотенцем, и светлые кудри обрели черный цвет.

Это... это не Стефано!

Это кто-то совершенно незнакомый!

Повернувшись на бок, незнакомец зевнул. И пробормотал что-то, погружаясь в дремоту, а что, Эва не разобрала. И... и запах ему не мешает, и само это место. А в качестве подушки он использовал камзол из зеленого бархата.

Но... но разве так можно?

Эва растерялась.

И... и вспомнились вдруг разом истории.

Нет, это... это не может быть правдой.

Эти истории рассказывают всем барышням. О коварных соблазнительях, о... но Стефано не пытался соблазнять! Нет! Его поведение всегда отличалось похвальной сдержанностью. Энни даже, признаться, сомневалась, влюблен ли он. Она читала в одной книге, в той, которые нельзя читать благопристойным девицам, но горничная книгу принесла за три серебряных, так вот, там мужчина всегда жаждал от возлюбленной поцелуев.

А Стефано – он даже руку держал бережно, будто та... хрупкая. Хотя Эва никогда себя хрупкой не считала. Маменьку это очень расстраивало. Она все пыталась повлиять и даже запретила есть что-либо кроме овсянки, но тут уж, слава богу, отец вмешался.

Не сразу.

Когда Эва в обморок упала и потом еще слегла с простудой, а целитель долго, муторно что-то такое говорил, а что именно, Эва не помнит. Но главное, с тех пор на столе кроме овсянки появились иные блюда.

Она слотнула. Есть хотелось. С утра в рот ни крошки не лезло, а теперь вот захотелось. А Стефано... просто... просто он тоже маскируется!

Конечно!

Его ведь станут искать. И... и когда мама узнает, и его родичи, само собой. Он ведь наследник... он... постарался сделать так, что никто теперь не признает в этом странном страшном оборванце утонченного Стефано.

Эве даже задышалось легче.

Выдумала.

Опять она...

Но мысли не отпускали. Почему тогда Стефано не рассказал о смене облика? Почему не предупредил? Она-то, проснувшись, могла бы испугаться.

Эва потрясла головой, и от этого движения ее повело в сторону.

Потянуло.

И...

И она когда-то путешествовала. С маменькой. В маменькином же экипаже, который был куда комфортнее старого фургона. Правда, родительница не разрешала выглядывать в окно; и вообще, нужно было молиться всю дорогу. Может, поэтому Эва и не запомнила этой дороги.

А тут...

Поля.

Огромные. И деревья. Тоже огромные. Невысокие ограды, сложенные из валунов. Ощущение пространства, такой вот незнакомой безумной свободы, когда хочется взмахнуть прозрачными руками-крыльями и взлететь.

Нельзя.

Слишком опасно.

Улететь легко. Вернуться сложнее. И Эва сумела удержаться. Она всегда отличалась благоразумием. Правда, маменька почему-то не верила... неважно.

Главное, она удержалась.

И *зацепилась*, если можно так сказать. Она сидела рядом с человеком, который держал в руках поводья. Поводья были старыми. Руки в грязных перчатках с обрезанными пальцами – некрасивыми. Сам человек тоже. Где только Стефано его отыскал?

Впрочем, какая разница.

Главное, человек этот был готов помочь барышне, что оказалась в затруднительном положении. И Стефано, конечно. Лишь бы денег хватило... нехорошо. Деньги пришлось взять из маменькиного секретера, те, что она оставляла на хозяйство. Но Эва потом вернет. Когда Стефано получит титул и маменька... она может, в конце концов, забрать долг из приданого Эвы.

Жаль, что само приданое – не золотые монеты в шкатулке. То есть оно, конечно, деньги, но лежит в банке. И управляющий Эве его не выдаст.

И даже мужу ее не выдаст, потому что дедушка так придумал.

Все они...

В какой-то момент просто сидеть и смотреть стало скучно. А ничего другого Эва не умела. После Происшествия ей строго-настрого запретили обращаться к Дару.

И даже надели серебряный медальон.

Но Стефано его снял. Да... побег – это дорого. И им все-таки придется на что-то жить. Недолго. Ведь дядюшка Стефано стар и болен, и... но Эва вернет.

Все до последнего пенни.

И правильно она поступила. Правильно...

Глава 2, в которой приключение барышни продолжается, а у самой молодой особы появляются некоторые сомнения в правильности выбранного пути

Повозка останавливалась дважды. В первый раз она свернула с дороги, чтобы задержаться на какой-то ферме. Эва с удивлением разглядывала грязные дома, меж которых бродили тощие свиньи и неряшливо одетые люди. Здесь Стефано встретили как доброго знакомого.

Заросший черной бородой тип похлопал Стефано по спине, и они ушли в дом. А из повозки стали вытаскивать ящики. Обычные. Тот, в котором лежала Эва, не трогали. Только крышку подняли и человек, не Стефано и не кучер, другой, совершенно отвратительного виду, долго Эву разглядывал. И даже руки к ней потянул, что было невероятно омерзительно!

Эва едва не умерла от ужаса.

Но появился Стефано.

– Грабли убрал, – сказал он довольно грубо. – Не про тебя.

– Тю... не больно-то и хотелось. – Тот, третий, выглядел бледным и каким-то больным. Лицо его, испещренное мелкими шрамами, которые остаются от оспы, вызывало отвращение, как и редкие сальные волосы. – Но может, того... я заплачу...

Стефано молча ударил.

И Эве даже задышалось легче. Хотя, конечно, благородный человек не станет пинать другого человека, выговаривая при этом совершенно неприличные слова.

Эва точно не знала значения, но была уверена: неприличные.

Так выразался папенькин конюх, когда пребывал в состоянии душевного расстройства. А Эва как-то подслушала. Не специально. Просто... просто пряталась.

Вот и...

– Еще раз полезешь... – Стефано поднял наглеца за горло и потрянул хорошенько. Тот висел в руках Стефано тряпкой. – Я тебе грабли так переломаяю, что до конца своей жалкой жизни шевелить не сможешь. Ясно?

– Ты... – Человек булькнул что-то.

– Где. – Вновь появился чернобородый. – Ты, Эндрю, что-то больно суров.

– Я на эту идиотку несколько месяцев угробил. – Стефано уронил того отвратительного типа и плюнул на него.

Про кого он?

– Не хватало теперь, чтобы какой-то придурок товар попортил.

– Он не полезет. Клай, приглянь.

– Погодь, надо ее переодеть. – Стефано запрыгнул и склонился над ящиком. Он прижал пальцы к шее, и в этом прикосновении не было и тени нежности.

Почему-то стало страшно.

Очень-очень страшно.

– Я Майку кликну. Подберет чего от девок. А она того... не того, часом?

– Живая. Но сейчас...

Ее приподняли, и к губам прижалась та самая, уже знакомая фляга.

– Сильная. Еще очнется до срока, кричать станет, – пояснил Стефано. – А так... ты весточку отправил?

– Еще когда. Обижает.

И снова ушли. Зато появилась женщина. Узкая. Бледная. Уродливая, как все в этом месте. За нею шел огромный мужчина, правда, двигался он медленно и выражение лица имел такое, что Эва сразу поняла: убогий.

Но ее на руки подхватил легко.
И понес за женщиной.

То, что происходило дальше, заставило Эву возмущенно открывать рот. И закрывать. И снова открывать, только вместо крика выходил сдавленный писк, который слышал лишь черный толстый кот. Да и тот только хвостом дернул, мол, чего разоралась?

Ее раздели.

Женщины. Слава богам, женщины! Но полностью. И одна, выряженная совершенно непотребным образом, долго щупала нижние юбки и языком цокала.

– Положь, – велела та, первая. – Не про тебя.

– А и чего? – Женщина подняла юбку. – Ишь, тоненька кака! Мяконька...

И щекой потерлась, оставляя на ткани следы пудры и румян. Отвратительно! Как они смеют...

– И сама она... – вздохнула женщина. – Хорошенькая... жалко ее.

На Эву натянули жесткую рубашку и платье из грубой ткани того неопределенного цвета, который случается после долгого ношения и многих стирок. У них в доме и прачки-то опрятнее выглядели.

– Вот смотрю и думаю... что ж мы бабы-то за дуры такие? Что ж нам дома-то не сидится?

– Еще поплачь, – фыркнула некрасивая женщина, отвесив другой, размалеванной, затрепщину.

– Да ну... вот ведь я тоже, может быть... жила у бабушки с матушкой, росла, горя не ведала, – затянула размалеванная, да со всхлипами и подвываниями. – И жениха мне нашли выгодного, да я ж дура-то, счастья своего не уразумела... нехорош показался. Старый. Кривой. А пошла бы и сейчас, небось, давно б схоронила... жила б себе пресчастливо честною вдовою. У него вона, своя пекарня имелася.

И замолчала.

– Дуры или нет, – сухо произнесла та, первая, – но то не нашего ума дело. Ясно?

Эве ясно ничего не было.

Но кто ее спрашивал?

Тело снова вернули в ящик, а тот перекинули на другую телегу, еще более невзрачную, чем первая. На козлы сел сам Стефано, причем вид у него стал совсем чужой. И лицо будто морщины прорезали. И щеку налево перекосило, а рот перекривился.

Из ниоткуда шрам возник.

Не было у Стефано шрамов! Не было!

И седины, что пробилась в черноте волос, тоже не было! Он... он решил, что той, первой маскировки недостаточно? Бойтесь, что кто-то может... мог бы...

Хотелось верить.

И не получалось.

Почему-то.

Эва зацепилась за тело и заставила себя вернуться. Нельзя надолго уходить, но... травы... теперь она чувствовала яд, что сковал ее. И удивлялась тому, как сразу не поняла.

Капля сока змеекровки.

Редкая трава. Невзрачная. И растет лишь на змеиных лугах, там, где гадюки греются. Она и вырастает от змеиного яду, оброненного на землю. Людям простым с той травы одна беда. Попадет стебелек махонький в сено, и вся отара потравится. А если уж человека попотчевать...

Откуда у Стефано змеекровка?

И знает ли он вообще о ее свойствах?

Эва и сама знала мало. Только... только что можно составить зелье, которое замедлит сердце и дыхание почти остановит. И человек будет казаться мертвым.

Нет, нет, нет...

Или...

Конечно, маменька ведь, когда узнает, к отцу бросится. А у того друга. И искать Эву станут заклетьями. А заклетья покажут, что она... мертва?

Ужас какой!

Или... или все еще страшнее?

Ее ведь будут искать не день и не два. И что? Все это время ее будут держать сонной? Но нельзя! Змеекровка ядовита. И в теле она задерживается надолго. И... и так на самом деле недолго убить.

Зато понятно, почему это снова произошло.

Непонятно только, что Эве делать.

К городу прибыли на следующий день.

Ночь Эва провела в том же ящике, а Стефано – в невзрачном, грязном домишке, что прятался среди прочих. То ли это деревня, то ли уже пригород, Эва не знала. У нее получилось удлинить нить, что привязывала ее к телу.

Не сразу.

Но ей... ей нужно было услышать!

Очень.

И нить поддалась. Правда, истончилась опасно, но Эва ведь недолго.

– Вот, стало быть, как... – хмуро произнес Стефано. Он сидел в комнатухе, где едва-едва уместились кривоногий стол и пара стульев. На столе стояли кувшины, лежал разломанный хлеб и куски какого-то мяса. Прямо в лужах жира. – Твою ж... и давно?

– Вот только весточку получил. – Его собеседник с лицом отпетого негодяя – в книгах любви всегда мешают отпетые негодяи, уродливые с виду, и в душе тоже, – жевал хлеб. Задумчиво так. И чистил ногти острием длинного и столь же уродливого ножа. – Знающий человек настоятельно рекомендовал залечь на дно.

– Что он...

– Не перебивай, – жестко сказал тот, с ножом. – И послушай. Заказчик помер? Это не наша с тобой проблема. Другое дело, что помер он не тихо. Много дерьмо всплыло. И как понимаешь, разные люди начнут задавать разные вопросы.

Это... это какие?

– И многие... в свете последних событий пересмотрят свое отношение к случившемуся.

А речь у него правильная. Даже Стефано иногда... оговаривается. Но ему простительно. Он ведь рос в бедной семье, это уже потом дядюшка понял, что ему наследник нужен.

Или это тоже ложь?

Нет никакого дядюшки, который вот-вот должен уйти, оставив наследство и титул бедному Стефано? И самого Стефано, того хрупкого, слегка застенчивого, так легко краснеющего, тоже нет?

А... кто есть?

На самом деле?

– Твою... – То, что произнес Стефано, Эва вряд ли сумела бы повторить. – И что теперь?

– Теперь... я бы советовал убраться куда-нибудь подальше. Скажем, вот в Старом Свете, говорят, неплохо устроиться можно. Если с деньгами.

– С деньгами везде можно.

– Что, уже проигрался?

– Не везло.

– Дурак ты, – покачал головой человек. – Ладно... девка твоя что?

– Да спит. Что с ней делать-то?

– Ну... я бы посоветовал избавиться. Она тебя видела.

И не только его! Эва стиснула кулачки. Ее разрывало от гнева. И обиды. Как так! Она ведь... она ведь его любила! По-настоящему!

Так, как только можно любить человека! Чтобы с первого взгляда и до последнего вздоха.

– Жалко...

– По-настоящему жалко станет, когда ее родичи тебя отыщут.

– А если... она ведь спит. И верит. – Мужчина, которому Эва и вправду верила, почти как себе и даже больше, задумался. – Можно ведь... до храма, а там обвенчают.

– И?

– И назад. Небось, поорут да успокоятся. Примут. Куда им деваться-то? Заживу...

– Хорошо, правда, недолго. Как думаешь, что ее папенька-некромант с тобой сотворит, когда поймет, кто ты?

– Она... меня любит.

– Во-первых, бабская любовь – что цвет весенний. Сегодня есть, а завтра облетела вся. Во-вторых, любить она может хоть до изнеможения. Думаешь, поможет? Отправят куда-нибудь на воды здоровье поправлять, а с тобой несчастный случай произойдет. И никто не удивится.

Стефано выругался.

А Эва едва не лопнула от злости. Вовсе отец не такой! Да, он бы рассердился. Безусловно. Но... но убивать не стал бы! Он глубоко порядочный человек, а не как эти! Честный и очень-очень добрый.

А что некромант, так ведь... у всех бывают недостатки.

– Избавляйся, – жестко добавил человек, имени которого Эва так и не услышала. – Сейчас, пока ее не хватились. Пока искать не начали. Избавляйся и беги.

Стало страшно.

По-настоящему.

И Эва заплакала. Оказывается, души тоже умеют плакать.

– И это... не тяни.

– В городе, – решил тот, кого она знала под именем Стефано. – Ты прав, но... в общем, деньги нужны.

– Смотри сам.

– А ты...

– Я с этим делом завязал. Так что ни тебя, ни этой вот твоей... невесты я видеть не видывал, знать не знаю. Понятно? И завтра тут меня не будет. Вообще не будет... а ты все же поаккуратнее. Слышишь?

Стефано кивнул.

Нет. Надо забыть это имя. Надо... надо что-то делать! Что-то такое, чтобы... чтобы спастись! О боги, какой наивной она была! Какой глупой! А ведь предупреждали! И нянюшка, и маменька, и нанятая ею гувернантка! Компаньонка, уж на что стара и ничего в жизни не понимает, но и та множество историй знала о неосторожных девушках, которые сбегали из дому. И жизнь свою разрушали.

И морально падали.

Правда, тут Эва так не понимала, куда именно они падали и почему. Но теперь, кажется, ей предоставится случай узнать все самой.

Она не хочет!

Она... она должна бежать! Но как сбежать, когда ее душа привязана к телу, а тело... тело спит. В ящике. Укрытое под двойным дном, засыпанное соломой.

Недоступное для поиска.

И... и искать-то не сразу начнут.

– Помогите! – Ее крик растворился в тишине. – Кто-нибудь... пожалуйста! Помогите!

Мир не услышал.

Глава 3, где случаются новые знакомства и встречи

– Дорогой, о чем ты только думал! – Нервный голос свекрови доносился из-за двери, благо притворили ее неплотно, а потому я получила чудесную возможность слышать каждое слово.

Нет, если бы я осталась в гостиной...

С чаем.

С дорогой сестрицей Чарльза, что по-прежнему притворялась болезной, но эта болезнность не мешала ей сверлить меня ненавидящим взглядом.

Чай остался на столике, родственницу я перепоручила сунувшейся было служанке – мол, не видите, бедняге дурно, надо поскорее ее успокоить, в смысле окружить покоем и заботой. И когда «молодую хозяйку» уволокли, я в коридор и выглянула. Ну а дальше просто.

Иди на крик, и не ошибешься.

Хорошо, что матушка в гостиницу отправилась. Чарли предлагал ей тут погостить, но вот как чуяла, что это он зря. Гостям здесь не обрадовались.

Особенно одной.

И Эдди с матушкой ушел. Правильно. У меня-то муж имеется, который должен обо мне заботу проявлять, а матушка одна. Вот только сейчас мне отчаянно хотелось оказаться там, в этой пока неизвестной гостинице.

А лучше дома.

Пускай тот и старый, и в ремонте нуждается, скрипит и вздыхает, но там... там я своя. А тут? Я пощупала рукав платья. Жесткий. И... и выглядит оно так, что даже служанки смотрят с жалостью.

И брезгливостью.

– У тебя были такие перспективы! – Голос звенел, вызывая глухое раздражение.

Перспективы у него, стало быть.

А я ведь... я ведь говорила! И про перспективы тоже.

– Его императорское величество весьма благосклонно отнесся к моим предложениям...

– Мне жаль, – сухо ответил Чарльз.

– Жаль... Боже! Кто еще об этом знает? И знают ли... возможно, получится решить вопрос. Если вы не венчались в храме, то брак можно будет признать недействительным на основании...

Сердце болезненно сжалось.

– Нет.

– Чарли!

– Мама, пожалуйста, послушай меня. Я понимаю, что тебе кажется, будто ты лучше знаешь, как мне жить. И что делать. И на ком жениться. Но это не так. Я уже не мальчик.

– Чарли... – Теперь я едва расслышала.

– Я сделал свой выбор.

Сердце вновь застучало. И радостно так.

– Милисента – удивительная женщина. Я таких не встречал.

Еще более радостно.

– Она умная. Открытая. Честная.

– Боги... ты все-таки влюбился!

– Это плохо?

– Нет, нет, но... любовь мешает мыслить здраво. Кроме того, дорогой, она проходит. Сегодня ты восхищен настолько, что в упор не видишь недостатков. А завтра? Что будет завтра?

– Мы уедем.

– Что?! – А теперь я поняла, что уехать будет не так и просто. – К-куда?

– В Город Мастеров.

– Куда?! – с еще большим изумлением повторила маменька Чарльза. – Какой такой город?

Мне показалось, что она едва сдерживается, чтобы не добавить пару слов покрепче.

– Знаешь, почему-то я думаю, что тебе бы там понравилось.

Вот в этом я сильно усомнилась.

– Интересное место. Очень. И с перспективами. Тебе ведь нужны перспективы?

– Тебе тут перспектив мало?!

– Мама!

– Чарли! Просто выслушай... ты уехал, никому ничего не сказав! А теперь вернулся.

– Извини.

– Нет, я не то хотела сказать. Я очень рада... просто безумно рада, что ты вернулся. Я так боялась, так волновалась! Едва не слегла...

И снова я не поверила. Пусть маменька Чарли выглядит хрупкой, как и подобает истинной леди с Востока, но стальная струна тоже тонкой кажется. А поди-ка разорви.

– Сначала один ребенок, потом второй... – Теперь ее голос сделался плаксивым. А в коридоре показался мрачный человек в ливрее. Он выразительно нахмурился, явно намекая, что благовоспитанные леди не подслушивают.

Так то леди.

И я показала человеку кулак. А потом, для надежности, и револьвер, который взяла с собой. Тот и убрался. Понимающий.

– И когда я получила письмо... а потом меня пригласил его императорское величество... – Это было сказано с придыханием. – И сообщил, что ты возвращаешься. И не просто... тебя представят к ордену. Или к медали? Я так и не поняла толком, но совершенно точно наградят! Ты можешь войти в Совет, особенно теперь, когда мой отец... скоропостижно скончался.

Ага. Скоропостижней некуда.

Помню.

– Там какие-то еще проблемы возникли... Император намекнул, что, если ты заявишь права на наследство, он поддержит.

– Нет.

– Чарльз! Ты стал таким... непримиримым.

И это не похвала. Ну, если тону верить.

– Мама, ничего хорошего там не будет. Если я впрягусь в дележку наследства, я в ней погрязну. Да и тебе мало, что ли?

– Я думаю о будущем!

– Я тоже. И поверь, будущее без этих дрызг видится мне куда более радужным.

– Но все-таки... твоя жена... она... как бы это сказать...

Прямо.

Не нравлюсь.

Категорически. И... и не нравлюсь.

– Несколько отличается... от прочих девушек. Я не сомневаюсь, что она... весьма достойная особа.

У меня челюсти свело от нехороших предчувствий. Гадости говорить будут. Такие вот... гадостные, но щедро приправленные вроде бы как заботой.

– Но в обществе ей будет сложно.

– Понимаю. И надеюсь, что ты pomoжешь Милисенте.

– Несомненно.

Ага... обещала лиса за курятником приглядывать.

– И все же... Возможно, стоит поискать варианты.

– Нет, мама. – Я даже представила, как Чарли головой качает. Устало. И упрямо. – Никаких вариантов. Даже если бы мне в голову подобная мысль взбрела, то... не выйдет. Этот брак заключен не на словах.

Я вспомнила Силу. И храм. И... все сразу.

– Ты... ты решился на обряд?!

– Скорее уж, так получилось.

– Чарли, ты же понимаешь... Боже, как я устала... это не отменить! Хотя, конечно, не обязательно ставить в известность общество. Просто не поймут. Да, совершенно не обязательно. У нас есть поместье за городом. И твоей сестре в ее положении полезен свежий воздух. А твоя супруга получит время... привыкнуть. Я найму учителей.

– Неплохо бы. Я уже отписал Фарману.

– Фарману?!

– Он отличный маг.

– Да, знаю, но... зачем?

– Милисенте нужно работать над контролем. Да и в принципе не мешало бы внимание уделить. У нее очень яркий Дар.

– Дар? Еще и Дар... Это многое объясняет. Огонь?

– Именно.

– И если передастся детям, а после обряда иного быть не может... роду это пойдет на пользу.

Так просто? Она узнала про мой Дар и резко подобрела? Что-то вот сомневаюсь. Крепко. Скорее уж поняла, что спорить с Чарли – дело бесполезное. И тогда... тогда надо готовиться.

Знать бы еще, к чему.

– ...Фарман – это несколько чересчур. Боевик. И слухи пойдут... Боже, они и так пойдут, а если еще и Фарман... нет, нужен кто-то более... более нейтральный. В конце концов, есть же ограничители.

Вот сама их пускай и таскает.

– Ты знаешь, это небезопасно для здоровья.

– У этой девицы столько здоровья, что на нас всех хватит, – не сдержалась свекровь. А я подумала, что спать буду с револьвером.

И подарочек одной темнокожей сиу далеко убирать не стану.

Не то чтобы я и вправду собираюсь, но вот... перспективы, они ведь разными бывают.

– Нет.

– Ладно... но контроля хватит. Ты же не собираешься отправлять ее на... куда там? Не знаю, главное, ей ни к чему боевые заклятья. Это, в конце концов, опасно!

Вот чую, придется мне самой учиться. Главное, Чарли молчит. И маменька его знает куда лучше, чем я. Плохо... все очень и очень плохо.

Не надо было вовсе сюда соваться.

Что мешало в городе остаться?

– И в поместье ей будет удобнее. Найдем кого-нибудь присматривать... скажем обществу, что у девушки адаптация. А там, глядишь, беременность наступит, и будет не до выездов.

– Мама, мне кажется, ты несколько спешишь.

– Наоборот, Чарли. Это ты поспешил. А я лишь пытаюсь как-то все это... успокоить. Нам ведь не нужны досужие разговоры. И о сестре подумай. Эти сплетни сильно ранят ее. Ей тоже необходим покой.

Я отступила.

И... что делать? Бежать? От чего? Ничего ведь не случилось. Да и вовсе... запереть меня в поместье? Она и вправду думает, что я там засяду и сидеть буду, вся такая послушная?

А Чарли?

Станет наезжать да детишек делать, род укрепляя?

Хрена с два!

Я им не нежная восточная барышня и... и мне есть куда вернуться. Эдди, он ведь примет. И защитит. Только вот горько отчего-то, что я только-только приехала и уже всерьез раздумываю, как буду защищаться. И от кого?

От человека, которого люблю?

А чай остыл.

Поганый у них тут чай. Слабенький. И травой пахнет.

Сидела я не сказать чтобы долго. В гостиной появился Чарли, изо всех сил пытавшийся казаться радостным. Но то ли я понимала, что радоваться ему не с чего, то ли у самой настрой был мерзкий, то ли изучить успела.

– Может, тоже в гостиницу? – предложила я, оставив чашку с нетронутым чаем.

А к нему даже куска хлеба не предложили.

Тоже мне, цивилизованные люди.

Чарли вздохнул и покачал головой:

– Слухи пойдут.

– И? – Вот с чего все так слухов бояться? Ну, пойдут. Ну и пускай себе идут. Мне-то с них что?

– Это репутация. Не только моя, но и рода, и наших детей. Возникнут вопросы. Сомнения.

А то так они не возникнут. Но ничего, молчу. Пялюсь в чай. А есть охота... тут вообще кормят? Небось, при гостинице ресторация имеется. Или хотя бы выйти можно, поискать какую таверну, чтоб не совсем дыра.

– Маменька завтра уедет, – спокойно сказал Чарли.

– А я?

– Подслушивала?

Я пожалала плечами. С чего отрицать очевидное.

– Дурная привычка, – покачал головой Чарльз, но как-то так, без раздражения, скорее с усталой обреченностью.

– Зато полезная.

А то бы сейчас дальше сидела наивною дурой, ожидая, когда ж меня в семью примут. Теперь-то точно знаю, что не примут. Даже если наизнанку вывернусь и чешуей покроюсь. Стоило про чешую подумать... нет, нет, только драконьего обличья мне и не хватало.

– Маменька – женщина сложная. В свое время она... нашла в себе силы пойти против воли отца. И из семьи ушла.

Знаю.

– И так уж получилось, что весьма долгое время ей пришлось самой заниматься. Домом. Детьми. Делами.

– А твой отец?

– Он служил.

За тридевять земель? Хотя чего это я... мой папаша вон тоже был таким, что лучше б вовсе его не было. И мамина судьба, если подумать...

– Она хорошая, умная женщина. Но привыкла управлять. Семей, делами...

– Тобой.

– И мной. Ей нужно будет время, чтобы принять изменения.

Или изменить их под себя. Но опять же, пытаюсь быть мудрой, как мама велела, и помалкиваю. Слушаю вот.

- Она устроит Августу и вернется, чтобы помочь тебе.
- Как-нибудь...
- Не спеши. Может, она и не слишком рада, но когда речь заходит о семье, она сделает все возможное, чтобы тебя приняли в свете. И подскажет.
- Он и вправду такой наивный?
- Тебе ведь нужен гардероб, а я понятия не имею, что сейчас носят. И еще знакомства. Визиты. Ты не можешь ходить одна.
- А с тобой?
- Боюсь, мне еще предстоит держать отчет перед императором. И не только. Все-таки дело это... – Чарльз покачал головой. – Слишком...
- Гнилое?
- Многих затронуло. Сколько отсюда было вывезено девушек? И каких? Возможно, кого-то ищут. Случались ведь скандалы, и будут обиженные родственники, особенно когда узнают, что имело место воздействие.
- И эти самые родственники захотят получить головы действовавших. А главное, на Змееныша все не свалишь.
- Змееныш не успел бы везде.
- И стало быть, есть кто-то, кто девушек искал.
- Выбирал.
- Перевозил.
- Не так-то это и просто.
- Я маму могу попросить. – Все равно мысль о том, что придется тесно общаться с дорогой свекровью совершенно не радовала. – Она с гардеробом поможет.
- Вряд ли. Прости, не хочу никого обидеть, но твоя матушка слишком долго прожила на краю мира. И вряд ли в курсе последних... как это... модных тенденций.
- Ну и хрен ли с них?
- Да и ей тоже надо бы собой заняться.
- Эдди...
- Милли. – Чарльз глянул с упреком. – Еще немного, и я решу, что ты боишься.
- Я?!
- Боюсь?!
- Да нисколько! У меня револьвер есть. И две дюжины ядов сложного состава. Мне ли бояться... нет, не боюсь. Так. Слегка опасаясь.
- Свекровь все-таки.
- Вот и славно. – Чарльз коснулся губами моей щеки. – Все будет хорошо.
- Мужчина. Да что он в женщинах понимает!

Глава 4. О том, что силы духа порой недостаточно

Эва думала.

Теперь она сумела подняться над фургоном, и ей приходилось следовать за ним. Впрочем, это получалось совершенно без усилий. Наверное, даже если бы она пожелала остаться, у нее бы не вышло. Но она не желала.

Она думала.

Сперва старательно представляла, как возвращается в тело, а вернувшись-таки – получилось далеко не сразу, что доставило немало неприятных минут, – поняла, что в теле еще хуже. Она чувствовала яд внутри, и вкус трав, и то, что тело пусть и онемевшее, но все же болит. Оно живое. Оно устало лежать в ящике. И перепачкалось. А еще, кажется, справило нужду, и теперь солома промокла. И одежда промокла. И... и даже если кто-то вдруг остановит и досмотрит фургон, найдет ящик, а в нем Эву, то примет ее за бродяжку.

Или вовсе безумицу.

А фургон трясся. Здесь, в городе, дороги мостили крупными камнями, и колеса перескакивали с одного на другой, а еще порой попадали в ямы, и тогда повозка вздрагивала, скрипела и кренилась то влево, то вправо.

Здесь дурно пахло.

И дым, поднимаясь из высоченных труб, смешивался с другим. Черный с желтым, а тот – с зеленым. И все эти рукотворные туманы стекали обратно на грязные улицы.

Вот исчезла мостовая.

А с нею и дома относительно приличного вида. Они сменились какими-то жуткими наскоро сколоченными хибарами. Местами их укрывали куски драных одеял. Кое-где горели костры, добавляя дыма. Когда же дорога свернула к реке, то Эва вновь едва не задохнулась от зловония.

Воду покрывала маслянистая пленка, а у берега, в грязных зарослях, стояли куски желтой пены. То тут, то там поднимались пузыри.

Люди... люди здесь были так себе.

Ужасные! Эва и представить себе не могла, что люди могут выглядеть настолько... отвратительно! Она, конечно, слышала про бедняков и даже с маменькой ходила в храм, а еще по домам, где оставляла отрезки ткани и пряники. Но те знакомые ей бедняки были все же какими-то... ухоженными, что ли? У них не было уродливых изрытых оспой лиц, на которых порой отсутствовал нос, а то и вовсе кожу пробивали язвы. Они не воняли. Не чесались.

А эти...

Они существовали, как весь этот грязный убогий мир, который... что он сделает с Эвой? Кажется, именно тогда она и позвала на помощь снова. Громко-громко. Даже лошадь, тащившая повозку, шарахнулась, и Стефано – все-таки Эва привыкла звать его именно так – едва не свалился с козел.

– Твою ж! – крикнул он и щелкнул кнутом над конским ухом.

А Эву не услышал.

Повозка остановилась возле дома, который выделялся среди прочих. Он был каменным и в два этажа. И, верно, когда-то даже мог считаться красивым. Правда, своеобразно красивым. Толстые колонны поддерживали остатки портика. Мраморные ступени заросли грязью, а от балюстрады сохранилась едва ли половина. Обвалился балкон. И кусты, посаженные у лестницы, разрослись так, что закрывали узкие окна. На тех же, что оставались незакрытыми, виднелись решетки.

Место Эве не понравилось.

Категорически.

Но Стефано свистнул и, сунув поводья грязному мальчишке, что вынырнул из кустов, велел:

– Жди. Вздумаешь стащить чего... – и кулак сунул под нос.

Сам же поднялся по остаткам ступеней и пнул дверь.

Открыли не сразу. Эва попробовала было сунуться следом, однако к ужасу своему обнаружила, что дом этот укрыт.

Стеной?

Куполом?

Полупрозрачным, но совершенно непроницаемым для нее.

Что это? Или... Конечно... защита! От духов? Нет, к чему. Скорее всего, просто. Обыкновенная. А Эва... Эва ослабела. И ей в тело надо, но чтобы то очнулось.

А еще...

Из кустов выбрались дети, закутанные в тряпье, пропитавшееся здешней вонью. Один нырнул в фургон, второй – под него. И тот, что внутри, поспешно обшарил фургон, но ничего, кроме ящика, не нашел. Правда, крышку попытался поднять.

– Заколочено!

– Тогда тикай, ща вернется! – донеслось снаружи, и мальчишка исчез. А Эва все-таки расплакалась. От обиды и жалости к себе.

Сколько дней прошло?

Ее уже должны хватиться... или нет? Маменька ведь отбыла встречать брата. А отец и подавно там, в столице сидит, делами занимается. Он и когда случалось заглядывать в поместье, на Эву не больно обращал внимание. И теперь... или заметят?

Маменьке доложат, что она не вернулась.

Вестника отправят?

Или письмом? Но пока гонец доберется до города... до маменьки... Да еще и письмо это, в котором Эва просит ее не искать. А если поверят? Если и вправду искать не станут? Что тогда?

Она... она умрет? Вот просто так возьмет и умрет?

Насовсем?!

Из дома показался Стефано с двумя мрачного вида типами. У одного и клеймо на щеке имелось. Эва, если бы могла, упала бы в обморок. Но поскольку духи в обморок не падают, она со всею возможной поспешностью спряталась в теле.

Ящик стащили.

И понесли.

Не слишком, к слову, бережно. Тело внутри перекатывалось и ударялось о стенки. Но вот миновали лестницу. И прозрачный купол, который Эва не видела, но все равно ощущала. Неприятный. Словно ледяная стена. Но ничего, главное, связь с телом не разорвалась.

А ящик поставили.

Где?

Эва решила выглянуть.

Комната.

Гостиная, вероятно. Похоже, так и есть, только странная какая-то... стены оклеены обоями в золотые розы. На полу – ковер, правда какой-то темный и в пятнах. Мебель... много и вся разная, будто собирали ее со всего дома. Светильники.

И свечи.

Кто зажигает свечи в наше прогрессивное время? Есть ведь газовые лампы!

Какие-то... покрывала. Вещи. На грязной каминной полке теснятся выводок фарфоровых пастушек. За ними виднеется шкатулка в восточном стиле. И часы. Старые.

И дело не в вещах, дело в том, что слишком разные эти вещи и никак друг с другом не гармонируют.

– Показывай, – проскрипел кто-то.

И только теперь Эва увидела женщину. В черном одеянии. Вдова? Платье странное, мешком. И шаль на плечах. Тоже черная. Чепец прикрывает волосы. А вот лицо у женщины белое, мягкое. И черты приятные. Пожалуй, такую можно представить экономкою в приличном доме.

Двигалась она отчего-то боком, припадая на одну ногу.

Стефано взял какую-то железную штуку, которая с хрустом вошла под крышку. Эва замерла. Вот сейчас... сейчас... а если ее убьют?

Нет.

Надо успокоиться и мыслить здраво. Хотя бы попробовать.

Ее могли убить еще там, в лесу. Просто выкинуть. Закопать. Сделать все, что угодно. Зачем для этого в город тащить? В городе, если ты не потомственный некромант, куда сложнее от трупа избавиться.

– Она не издохла часом? – Женский голос оказался до того неприятным, что Эва поморщилась. Будто... будто с присвистом, будто дыра у нее в горле... будто...

– Живая, что ей станется. – К шее прижались пальцы. – Вот проспится, будет краше прежнего.

– Бледновата. Тощевата. И сисек нет.

– Зато благородная.

– От этого одна лишь головная боль, – поморщилась женщина. – Раздень.

– Чего?

– Мне прикажешь? Я товар видеть должна.

То, что произошло дальше, навсегда осталось в памяти Эвы как... как ужас ужасный. Иначе и не назовешь. Ее вытащили из ящика.

– Не на диван. Она ведь... вообще-то, дорогой, мог бы и позаботиться о товаре. В этом виде... – Женщина покачала головой.

Содрали платье.

И нижнюю рубашку. И Эва опять закричала. Громко-громко. Так, что собственный крик, отразившись от стен, оглушил ее.

Мигнули свечи.

Почти погас огонек в масляной лампе, которая коптила на столике. И женщина вдруг замерла.

– Она одаренная?

– Именно, Грета, именно. И сильная. Хорошая кровь. Причем невинна. На такую покупатель найдется быстро.

– И проблемы. – Женщина подняла руку, и, кажется, с некоторым трудом. А потом и вовсе стянула перчатку. Под мягкой кожей оказались серебряные металлические пальцы, скрепленные шарнирами. Конструкцию обвивали тонкие патрубки. Пальцы двигались.

Железные – и двигались.

– Идиот, – сказала женщина, пошевелив пальцами. – У девчонки наверняка родня имеется?

– Да. Но...

– Которая станет искать. Если уже не ищет.

– В этом состоянии не найдут, – проворчал Стефано. – Ты сама говорила, что «Мертвая вода»...

Пальцы сомкнулись на горле Стефано, движением столь быстрым, что Эва только и смогла – моргнуть.

– Как давно ты поишь девицу этой дрянью?

– Т-третьи... с-сутки... – просипел Стефано.

Или Эндрю?

Или... или ни одно из имен не является настоящим? Как понять? И надо ли понимать? Надо выбираться... надо звать на помощь? Как? И кого?

– Помнится, я тебе говорила, что это небезопасно. – Женщина не спешила разжимать руку. И смотрела в глаза Стефано. – Для них. Что не более двенадцати часов.

– Она дышит!

– И толку-то? «Мертвая вода» действует не только на тело, но и на разум. И как знать, очнется ли она вообще. А если очнется, то... кем?

Эва тихо охнула.

Неужели...

Она не хочет! Она не будет... не станет...

– Сотня. – Женщина разжала руку. – Золотых. И ты убираешься с глаз долой.

– Помилуй, Грета, – просипел Эндрю, потирая шею. – Это даже не смешно!

Сволочь. Просто сволочь. А сволочам имена не нужны. Лишнее они.

– Невинная девица из хорошей семьи, ко всему одаренная. Да не меньше двух тысяч!

Они что, торговаться будут?

– Во-первых, откуда мне знать, что и вправду невинная? Во-вторых, что с той невинности, когда у нее, может, мозгов не останется. Триста. И больше не проси.

– Она крепкая. Да и найдется у тебя клиент и на безмозглую. Ты ли не знаешь, что работать она будет вовсе не мозгами. Полторы и ни медяком меньше.

– Если будет. Одаренную так просто в дело непустишь. Пятьсот.

– Ограничители? Полторы. Я же сказал.

– На них еще потратиться надо, да и сам понимаешь, достать непросто. Кроме того – девка бледная, невзрачная... на такую клиент не пойдет. Шесть сотен.

– Не смехи. У тебя и нет возможности ограничители достать? Да и на чистенькую-благородную... аукцион устроишь, и все отобьется. А то и вовсе... тебе ли не знать, что магам надо. Пусти слушок, что есть девица, сами прибегут. Тысяча двести.

Сошлись на тысяче, которую принесли в старом потертом кошельке. И Эндрю-Стефано, гад этакий, чтоб ему все посмертие икалось, пересчитывал деньги долго, муторно, едва ли не каждую монету на зуб пробуя. А потом ушел.

Он ушел. А Эва осталась.

И...

И что ей делать?

Женщина, все так же странно двигаясь, подошла к ней и наклонилась. Металлические пальцы раздвинули веки. Заглянув Эве в глаза, женщина вздохнула:

– Бедная девочка. – А потом вытащила свисток. Тонкий звук причинил боль. – Отнесите ее в подвал. Умойте. Оденьте. И да, вот еще что...

Из-под юбок появилась пара браслетов.

– Заодно за Вареном пошлите, пусть посмотрит...

Она... она же женщина!

Эта женщина, которая купила Эву, она ведь... женщины лучше мужчин! Они понимают. Сочувствуют. Особенно другим женщинам, оказавшимся в затруднительной ситуации.

И... и когда Эва придет в себя, она сможет договориться. Сможет ведь? У нее семья. И... и Эву любят! Отец. Маменька... они вернут долг! Тысяча – это ведь немного. Это... это ерунда! Маменька на наряды больше тратит.

А то и... можно предложить выкуп.

В романах иногда героинь крадут благородные разбойники, правда не из-за выкупа, а по любви или там из мести, но ведь можно и выкупом обойтись.

Благодарностью.

Отец...

Когда Эву подхватили на руки, она почти успокоилась. С женщиной она договорится.

Обязательно.

Глава 5, в которой обстоятельства смущают

Отель «Три короны», безусловно, не шел ни в какое сравнение с забегаловками, в которых Эдди случалось бывать. Оттого он несколько робел.

А от робости и злился.

– Улыбайся, дорогой. – Вот матушка держалась так, будто полжизни провела не в разваливающемся поместье, а посреди этакой вот роскоши.

Ковры.

И не какие-то там циновки, которых не жаль, а натуральнейшие. Мягкие. Один, небось, на сотню золотом потянет, если не больше.

Дерево.

Полированное. Блестящее. А главное даже не это. Когда подъехали, Эдди еще подумал, не ошибся ли кучер, но матушке выбраться из коляски помог, руку подал и на красную дорожку, что пролегла по мраморным ступеням, препроводил.

А сам же силой воли заставил себя не пялиться.

Дом.

Здоровенный. Этажей в пять. Может, и во все шесть. С каменными колоннами, со львами у основания лестницы, с чашами, в которых цветы растут.

С балконами.

Балкончиками.

И прочими излишествами.

– Чем могу помочь? – Дорогу преградил человек в алом мундире с золотыми пуговицами. Был он высок, широкоплеч и глядел с чувством собственного превосходства. – Господа?

– Нумер нужен, – объявил Эдди.

Когда там, на летном поле, Чарли предложил поселиться у него, Эдди отказался. Оно ведь как? Чего в молодую семью лезть. А ведь полезть потянет, он с ходу почувял, что нелегко сестренке придется. И у нее характер. И у Эдди характер. С тех характеров мало ли чего натворить можно. А Чарли кивнул, будто и не ожидал иного, и сказал, что их в приличный отель отвезут.

Вот и отвезли.

В эту вот... с коврами на лестнице. Какой человек в здравом уме будет выстилать лестницу коврами? Рядом с тем, в красном костюме, встал другой, в костюме темном, который и вез их. Кучер, стало быть. И произнес что-то столь тихо, что даже Эдди со своим преотменным слухом не разобрал.

Дверь перед ними распахнули, хотя вот честно: Эдди куда охотнее бы убрался в местечко попроще, без ковров, каменных львов и прочей мутотени. Но нет, матушка мило улыбнулась и вошла.

А Эдди что?

Эдди матушку в подобном месте одну не оставит. Пришлось делать рожу из тех, что для приличного общества, кирпичом, значит, и за ней.

Ну, и провожатый тоже.

А там уже внутри и вовсе стало понятно, что привезти-то их привезли, да не туда. Ну... косятся. На него. На матушку. Большею частью, конечно, на него. И под взглядами неуютно. Вокруг-то публика приличная. Господа. Дамы, на фарфоровых куколок похожие. И главное, от этой окрестной красоты зубы ныть начинают.

Эдди сбежал бы.

Но...

Матушка кому-то кивнула, кому-то улыбнулась так, будто только вот недавно беседу беседовала или чай распивала, как сие водится. Потом поглядела на Эдди с легкой укоризной. Сразу стало стыдно. Тоже мне... герой.

Зеркал испугался.

Хотя... зеркала тоже имелись. И в них отражался Эдди, весь, какой есть, с мрачною рожей, с выпирающей челюстью да бугристым черепом, в кожанке, пусть и чистой, но выглядела она так, будто Эдди в пыли вывалялся.

Только это не повод сбегать.

И котелок на затылок сполз.

– Не горбись, дорогой, – тихо сказала матушка, и Эдди послушно расправил плечи. Сразу как-то... не то чтобы полегчало. Скорее, если смотреть на благообразных джентльменов сверху, то не такими уж благообразными они и выглядят.

Вон тот волосья зачесывает гладенько, отчего донельзя похож на Скользкого Луи, который два года в розыске значился, пока не попался на передергивании картишек. Даже судить не стали, на месте вздернули. А вон у того лысина, клочками седых волос обрамленная. И красная.

Третий и вовсе чем-то на мэра смахивает. Прямо-таки родным кажется.

– Стало быть... люкс... зарезервирован лордом... – Очередной тип, на сей раз в темном костюме, что-то там еще говорил, то ли выяснял, то ли прояснял, не забывая косить левым глазом на Эдди. Матушка улыбалась и кивала; и вообще, держалась безмятежно.

А...

Хватит ли у них денег?

Нет, деньги-то есть. Но... вот тут... матушка уж больно неправильно выглядит. Ей бы не нынешнее строгое платье, почти что вдовье, но все одно бедноватое, а вот чего-то бы этакого, вывернутого. Как у той дамы... или вон у той. Розовенькое. Веселый цвет. Радостный.

Или полосатое.

А лучше, чтобы и то и другое. И... Эдди, может, и не случалось бывать в подобных отелях, но он шкурой чуял, что удовольствие это не из дешевых. Да и гардероб менять женский – не коню подковы сладить. А стало быть, деньги, которых вроде как много, могут и закончиться.

И... что тогда делать?

Что ему вообще здесь делать?

– Идем. – Матушка слегка оперлась на его руку. – И расскажешь мне о тех ужасах, которые пришли в твою большую голову.

На кого другого Эдди бы обиделся. Может, даже и в морду бы дал. Но это матушка. Только и смог, что улыбнуться и спросить:

– А мебель у них крепкая?

– Понятия не имею. – Матушка умела улыбаться столь лучезарно, что как-то сразу хотелось верить. Причем неважно, во что. – Но их предупреждали. Так что это не наша проблема... и не хмурься, дорогой. Люди не настолько страшны, как тебе кажутся.

Эдди постарался.

Честно.

И только мрачно вперился в спину пареньку с тележкой. На тележке громоздились их чемоданы, но повезли ее куда-то в сторону.

– Там черная лестница, – поспешил объяснить очередной человек в красной форме. И ведь из-под земли выскакивают, никаких нервов не хватит. – Ваш багаж будет ждать вас в ваших покоях... прошу.

И на лестницу указал.

С ковром.

Снова. Откуда у них столько-то?

Ну... лестница была каменной, ковер мягким, и отпечатывались сапоги в нем отличнейшим образом. Благо идти пришлось недалеко.

– Прекрасные, не побоюсь этого слова, великолепные номера... с видом на канал, но без всяких неудобств от подобного соседства, если вы понимаете.

– Нет, – честно ответил Эдди. Он и вправду не понимал, какое неудобство может возникнуть от соседства с каналом.

– Воздух! – Парень, а Эдди понял, что коридорный очень молод, закатил очи. – Мы озаботились приобретением самых современных фильтров. А потому, даже при открытых окнах, чего, конечно, лучше не делать, вы не подвергнетесь ужасающему испытанию воню.

Охреть.

Но Эдди кивнул, надеясь, что не выглядит слишком уж провинциальным. Хотя, конечно, чего уж там. Выглядит.

Ну и плевать.

– Добро пожаловать, мэм. – Паренек распахнул дверь и поклонился, при этом руку протянув. А в нее монетка легла. Это... это за что матушка ему? За то, что до комнат провел? – Прошу. Люкс с отдельной спальней, двумя гостиными, ванной комнатой и, конечно же, гардеробной.

Он провел матушку по комнатам, которые заставили Эдди остро ощутить собственную несостоятельность.

Матушка заслуживает таких покоев.

Только таких и заслуживает, но... но дал их не Эдди. И как быть?

– Дорогой? – спросила матушка, когда провожатый таки убрался, смерив Эдди напоследок недобрый взглядом. – Что-то не так?

– Все не так. – Он осторожно опустился на креслице, составленное из каких-то гнутых веток. Не отпускало ощущение, что эти ветки захрустят и хрупкое сооружение рассыплется. – Мне здесь не нравится.

– А мне кажется, довольно мило.

Матушка сняла перчатки и поморщилась.

– Руками надо будет заняться... Дорогой, мне нужно, чтобы ты доставил письмо.

– Хорошо.

– Даже не спросишь, кому?

– Ну... а толку-то? – Эдди поскреб макушку. – Я тут все одно никого не знаю. Да и...

Письмо можно отправить почтой. Или вон свистнуть мальчишку, правда, местные будут в форме и могут не захотеть возиться с чужими письмами.

– Мне давно стоило поговорить с тобой. – Матушка опустилась в другое кресло. И провела пальцами по столу. – Или остаться дома... но ты бы не оставил меня там одну.

– Нет. – Начало Эдди не понравилось.

Еще сильнее, чем не нравилось это место.

Сразу и шея зачесалась, предчувствуя грядущие неприятности.

– И Милли тоже бросать неправильно. Она очень порывистая девочка. Ей нелегко придется. И... я не уверена, что все выйдет.

– Матушка?

– Матушка. – Она грустно улыбнулась. – Знаешь... когда я впервые тебя увидела, то пришла в ужас.

– Ну... – Эдди подумал и согласился, что было от чего. Хотя обидно. Немного. Детская такая обида, глупая.

– У меня была странная жизнь. Но ты и Милли – стоили всего, что случилось. – Она моргнула и отвернулась. – Если бы мы остались, я... пожалуй, молчала бы и дальше. Там это знание только лишнее. Но раз получилось как получилось... меня увидят.

– Кто?

– Кто-нибудь. Времени прошло много, да и я сильно изменилась, но, боюсь, не настолько, чтобы надеяться, что этого хватит. Так что... увидят. Узнают. А там... моя семья. – И столько тоски прозвучало в голосе матушки, что рука сама к револьверу потянулась.

Эва открыла глаза. И несколько раз моргнула, пытаясь как-то избавиться от мутной пелены, что окружала ее. Пелена не исчезала, напротив, стало только хуже.

Глаза болели.

И лицо.

И зубы, отчего-то особенно сильно. Она даже потрогала их пальцами. Пальцы, правда, тоже болели.

Что за...

Она в какой-то момент исчезла, та часть, которая смотрит со стороны. И видит. Из-за зелья? Или комнаты этой?

Комната?

Небольшая. Тесная. В нее и влез-то лишь топчан, на который сверху бросили соломенный матрас. А уж на матрас – Эву. И одеялом прикрыли. Одеяло пованивало, как и все остальное.

Серые стены.

Какие-то неровные, ободранные. И оконце где-то под самым потолком. Узенькое. В него и кошка не протиснется, не говоря уж про человека. Да и высоко. Не добраться.

Эва помотала головой.

Взгляд прояснялся. И вот уже она заметила кувшин рядом с топчаном. И миску. Умыться? Надо, наверное. Ее... мыли. Да. И одели. Она пощупала жесткую ткань рубахи.

На помощь позвать?

Или...

Додумать Эве не позволили. С тихим скрипом приотворилась дверь, пропуская молодую женщину с изуродованным лицом. Левая его часть была прекрасна, а вот правая представляла собой месиво из рубцов и язв.

– Живая? – осипшим голосом осведомилась вошедшая. – Че пялишься?

– Ничего. Извините.

– То-то же... а то от! – Эве под нос сунули кулак. – Вздумаешь дурить, не погляжу, что матушка велела, так отколошматю, живенько поймешь, кто тут старший!

– Кто? – покорно поинтересовалась Эва. Она старалась не смотреть на дверь, которая казалась обманчиво близкой.

– Я!

– Как тебя зовут?

– Кэти. – Женщина прищурилась. – А ты че расселась? Мойся давай. Туточки прислуги нету!

– Я... просто нехорошо себя чувствую еще. Голова очень болит. – Эва старалась говорить тем плаксивым тоном, который всегда раздражал маменьку, зато на нянюшку действовал безотказно. – Дурно...

– Блевать ежели вздумаешь, то не на себя. Вона, ведро есть! – И указала на ведро, которое и вправду притаилось в углу комнаты. Ведро было жутким с виду, каким-то кривым, мятым и то ли закопченным, то ли заросшим грязью до черноты. И, глянув, как передернуло Эву, Кэти ухмыльнулась. – Привыкай, подруга.

Ну уж нет!

Когда дверь закрылась, Эва встала.

Попробовала встать, по крайней мере. Получилось у нее далеко не сразу. Тело мучила слабость. И ее действительно вырвало желтой желчью. Благо ведро стояло неподалеку. Что-то подсказывало, что Кэти не побежит менять испачканную одежду, не говоря уж о матрасе.

Эва закрыла глаза.

Думать.

Надо думать. Только... о чем? О том, что она совершила ту самую Огромную Неправильную Глупость, о которой ее предупреждали едва ли не с рождения? А она решила, что это не глупость, а любовь?

Нет уж...

Надо...

Надо что-то сделать. Призвать Силу? Эва поглядела на ограничители. Те не причиняли боли, да и вовсе не ощущались. Правильно, ведь ее Сила направлена не вовне, как у нормальных магов, а...

А дальше?

Снова отделиться от тела?

Во-первых, это опасно, тем более когда она только вернулась. Во-вторых, ограничители все-таки имеются. Как знать, не повлияют ли они. Будет совсем грустно, если с ней случится то же, что и... Нет, даже не думать!

В-третьих... в-третьих, а смысл?

Вот отделиться она от тела. И... и что дальше?

Эва вздохнула и кое-как отерла лицо водой, которая нашлась в кувшине. Пить хотелось неимоверно, но пахло от воды болотом, и Эва решила потерпеть.

Должны же ей объяснить, что происходит.

Ждать пришлось довольно долго. Она и замерзнуть успела, в комнатухе было сыро, а от стен тянуло холодом. Но вот снова скрипнула дверь, и на пороге появилась та самая женщина, которая торговалась со Стефано. Она вошла, вновь же двигаясь как-то боком, несуразно. Остановившись, женщина оглядела Эву и кивнула.

– Не плачь. Хорошо.

Эва шмыгнула носом и поднялась. Неудобно говорить сидя, когда перед тобой стоят.

– Глядишь, и вправду толк будет.

А платье на хозяйке не из дешевых. Тяжелый атлас того богатого насыщенного оттенка, который выдает хорошую красивую мануфактуру. И шито по фигуре. И рукава не светлее подола¹.

– К-кто вы? – решила Эва. – И где Стефано?

Может, в домашних спектаклях ей доставались не самые лучшие роли, ибо Эва никогда не отличалась актерским талантом, но вот женщина, похоже, поверила.

– Он уехал.

– К-куда?

– Далеко, девонька. Идем. Лучше поговорим в другом месте. Кэти, дай ей халат.

Халат был чужим. От него пахло плесенью и еще самую малость – лавандой. И на некогда богатой ткани появились проплешины, а локоть и вовсе прикрывала латка. Но Эва слишком замерзла, чтобы отказаться. Да и... как знать, кого они встретят? Не хватало еще, чтобы ее увидели в нижней рубахе.

– Не дури, – прошипела Кэти и почему-то ущипнула.

Больно.

¹ Одежда, особенно платья из качественных тканей, была вещью очень дорогой. Ее передавали по наследству, дарили. Но ткани вроде шелка и бархата нуждались в специальном уходе, их нельзя было просто постирать. Поэтому бедные девушки часто отпарывали и стирали лишь рукава, как наиболее загрязненные части одежды. Со временем рукава становились светлее основной ткани, что было признаком бедности.

– Кэти. – Женщина покачала головой. – Иди, пускай нам чаю подадут. И бульона.

– Ей?!

– Кэти!

Кэти пробормотала что-то неразборчивое.

– Хорошая девочка. Жаль, не повезло... такая красавица была. – Женщина указала на дверь. – Иди.

– Но...

– Дорогу покажут. Альфредо!

Альфредо оказался одним из тех мрачных типов, которые втащили ящик с Эвой. Огромный какой! И кулаки... у старого Джонни похожие. Он еще на спор тыквы бил. Кулаком как ударит, тыква и раскалывалась. Всем было весело.

И Эве тоже.

Пока маменька не узнала.

Приличная юная леди не будет участвовать в подобного рода сомнительных развлечениях. Даже зрителем.

– Покажи девоньке, куда идти. А ты ведь умненькая... умнее, чем иные. Вона, не требуешь отпустить...

Будто это поможет, если Эва чего-то там потребует.

– И бегать смысла нет. Догонят. Хуже будет.

Куда уж хуже.

Но Эва сдержалась.

Она шла, стараясь помнить и об осанке, и о том, что леди – это леди, невзирая на обстоятельства. И... и вообще, не упасть бы. Слабость то и дело накатывала. Один раз ей вовсе пришлось остановиться. И Альфредо повернулся, уставился выпуклыми полупрозрачными глазами.

– Просто... п-плохо, – заикаясь, сказала Эва. – Сейчас п-пройдет.

Альфредо кивнул.

А потом вдруг подхватил Эву на руки. И она замерла от ужаса. Но нет. Альфредо, также не произнося ни звука, продолжил путь.

Куда ее...

Что с ней вообще будет? И неужели никто-никто не поможет? Не придет, не...

Ее молча уронили в глубокое кресло. А во втором уже сидела та женщина с механической рукой. Правда, сейчас руку скрывала перчатка, но Эва ведь знала. И не могла заставить себя отвести взгляд.

– Пей, – велела женщина, когда перед Эвой поставили высокую чашу с бульоном. – Тебе нужны будут силы. Не спеши. Глоток. Потом ждешь. Если не чувствуешь спазмов, делаешь следующий. Ясно?

– Д-да.

– И не трясись. Будешь послушной девочкой, ничего с тобой не случится.

Как будто с ней уже не случилось. Но Эва вновь кивнула. Она будет. И постарается. И... и дрожащими руками она подняла чашу и сделала глоток. Бульон был теплым, наваристым и жирным настолько, что Эва едва удержалась, чтобы не выплюнуть.

Нет уж.

Женщина, кем бы она ни была, права. Эве понадобятся силы. А значит, она должна выпить. В конце концов, те отвары, которые варила маменька, надеясь добавить Эве красоты, на вкус были еще хуже.

И пользы в отличие от бульона в них никакой.

Во всяком случае ни кожа белее не стала, ни Эва стройнее.

– Можешь называть меня Матушкой Гри или просто Матушкой. – Женщина смотрела, как Эва пьет. И по ее лицу нельзя было понять, что она думает. – Теперь ты принадлежишь мне.

Как? Разве может человек принадлежать кому-то...

– Тот, кого ты знала... к слову, как он назвался?

– Стефано, – ответила Эва.

– Стефано... надо же, выдумщик какой. Так вот, он тебя продал.

– Но...

– Да, это незаконно, – согласилась женщина. – Однако здесь, девонька, свои законы. И теперь ты принадлежишь мне. До тех пор, пока не отработаешь долг.

– Сколько?

– Вот и умница. – Матушка Гри улыбнулась, отчего ее некрасивое лицо сделалось вовсе страшным. – Ни слез, ни капризов... все-таки воспитанная барышня – это плюс. Три тысячи.

Сколько?

Эва ведь слышала... стоп. Нельзя показывать, что она слышала. И вообще свои способности. А потому она сделала очередной глоток. Бульон стоило допить, пока он окончательно не остыл.

– И еще пятьсот в месяц за услуги.

– К-какие?

– Одежда. Комната. Еда.

Вот за ту конуру и пятьсот? Да... да они за особняк на побережье столько не платили, который снимали все лето!

– Целитель, которого пришлось позвать, ибо ты была далеко не в самом лучшем состоянии. Он сумел сохранить твой разум...

Ложь.

Нет, целителя Эва не видела, но целитель бы понял, кто перед ним. И не рискнул бы связываться.

– Моя семья... заплатит.

– Уверена, детка?

– Да, – решительно ответила Эва. – Она заплатит и втрое больше. И вчетверо.

Улыбка Матушки Гри стала еще шире.

– Видишь, как хорошо все складывается...

Глава 6, где речь заходит о родовых тайнах и прошлом, пусть и не совсем отдаленном

Матушка не спешила говорить, а Эдди не торопил. Вот что он усвоил к своим годам немалым, так это то, что спешка к добру не приводит.

А позолота-то в номере местами поистерлась. Незаметненько, в уголках самых, но все же. Да и гардины цвет имеют неоднородный, но тоже не сказать, чтобы пятнами пошли. Нет, слегка выгорели.

Самую малость.

Отчего-то данное обстоятельство несколько примирило Эдди с действительностью.

– Видишь ли, дорогой... – Вздохнув, матушка все же решилась.

– Если не хочешь...

– Не хочу. Но надо. В конце концов, я и без того слишком долго пряталась. И... пожалуй, если бы речь шла лишь обо мне, но Милисента. И ты... – Она встала и подошла к окну.

Окна, надо сказать, были изрядными.

В пол.

И с белоснежными переплетами, укрепленными магией. Оттого и не тянуло сквозь них сквозняком. Да и сами стекла отличались той прозрачностью, которой обычным способом не достигнуть. А выходили они на улицу. Узкую. Серую.

Да и сам этот город был серым.

Серые дома тянулись ввысь. По серым мостовым гуляли серые люди, махонькие, что игрушки. Пара серых лошадей тащила уродливого вида повозку, та и шла-то по рельсам.

– Я уже забыла, как здесь... красиво.

– Красиво?!

Вот уж чего Эдди тут не видел, так это красоты. Но матушка снисходительно улыбнулась.

– У каждого свой взгляд. А мне... мне этого не хватало.

Города?

Или роскоши, к которой она привыкла? Эдди не дурак. Эдди понимает, даже без слов. Возьми кого другого, ту же Милли, она вон дичится. И держится с видом прегордым, но взгляда хватит, чтобы понять, сколь неудобно ей в таком окружении.

А матушка?

– Что ж... все же... ты знаешь, что когда-то я сбежала из дому, чтобы быть рядом с твоим отцом.

Эдди знал.

Правда, до сих пор понять не мог, чем же эта скотина такое счастье заслужила. Ну да ему ли матушку судить?

– Я была молодой. И романтической. И жила... скажем так, меня воспитывали очень строго, и временами мне казалось, что я и дышать-то без разрешения не могу. А тут он. И его рассказы. Запад, где все свободны, нет ни обязательств, ни правил, ни удушающего этикета. Где настоящая жизнь.

Она умела улыбаться грустно и задумчиво, так, что Эдди почти увидел ту, давно пропавшую девушку, которая поверила в сказку.

Не она первая.

Не она последняя.

– Моя семья... ничего не знала. – Тонкие руки стиснули платок. – Если бы кто-то заподозрил... твой отец не был человеком моего круга. И близко не был. Мы... мы познакомились случайно. Благодаря моей подруге. Единственной, пожалуй, которая как-то меня понимала.

Она тоже происходила из достойного рода, что, собственно говоря, и сделало возможной нашу дружбу. Родители ее одобрили. Я просто приняла. Да и Элоиза оказалась удивительным человеком. Легкой, мечтательной и в то же время очень и очень умной.

Эдди хмыкнул.

– Мне так казалось. Полагаю, на деле мы обе были довольно глупыми и весьма восторженными девицами. Но благодаря Элоизе я получила относительную свободу. Мне разрешали посещать ее. Более того, мне было дозволено даже провести месяц в ее поместье.

– Там ты и...

– Там. И тогда. Семнадцать лет... мне уже искали жениха, и... и думаю, даже нашли, хотя я заранее его ненавидела, ведь замужество означало лишь, что одна тюрьма сменилась бы другой. Изначально речи о любви не шло. Я была товаром, а брак – сделкой. Этого не скрывали. Мне постоянно говорили о долге, о чести и прочем...

– И...

– Я воспользовалась первой же возможностью, чтобы сбежать. Нет, не сразу... сперва встречи. Тайные. Элоиза включилась в эту игру с огромной охотой. Ее тоже не радовала перспектива брака без любви. Потом... я его тоже обманула. Так уж вышло, что... я не назвала своего настоящего имени. Представилась одним из многих.

– Многих?

– У меня их двенадцать.

– А... теперь понятно.

– Что?

– Ну, откуда у Милисенты столько. Но непонятно, зачем.

– Родовой обычай. Но да, ты прав. Совершенно непонятно, зачем... мне кажется, он любил меня.

– Отец?

– Да. Иначе... понимаешь, я призналась ему. Незадолго до побега. И будь я просто богатой наследницей, мы бы сбежали, обвенчались и вернулись. Так делают иногда. Родители, конечно, злятся, но что они могут сделать? Особенно если брак уже заключен.

Почему-то Эдди покраснел. Хотя взрослый ведь.

– Но не в моем случае. Они... они не простили бы. И любой нормальный человек, если бы он желал лишь денег, понял бы, что денег не получит. Нет. У меня было кое-что. И деньги, и драгоценности... только это мизер. Он ведь был таким... чудесным. Понимаешь?

– Нет.

– И я. Тоже не понимала долго, как так получилось? Куда подевался тот мужчина, который обещал защитить меня? Тот, кто рассказывал такие удивительные истории? Тот, кто называл своей душой? Сердцем?

Эдди не знал, что ответить, а потому просто промолчал.

Молчание – оно вообще полезно донельзя.

– Он не отменил побег. Но... – Матушка стиснула кулаки. – Потом, позже, я узнала... Он сделал так, что она погибла.

– Кто?

– Элоиза. Мы с ней направлялись на прогулку. Должны были. Но мы... в тот день она взяла мое платье. Мы были с ней очень и очень похожи, а уж если сделать одинаковые прически... Она надела мое платье. И села в мой экипаж. Служанку мы подкупили. Я думала, что Элоиза съездит и вернется. И что... – Матушка положила ладонь на горло. – Мне тяжело говорить об этом. Она должна была вернуться, переодеться и тогда уже занять мое, то есть свое место. А вечером, когда я не явилась бы к ужину, тогда и стало бы ясно, что я сбежала. Мы бы выиграла время.

Ее лицо сделалось белым.

– Она уехала. А я... У Элоизы имелась сестра. Молочная. Дочь ее кормилицы. Она помогла мне собраться. И... и драгоценности Элоизы тоже взяли, как и мои. Это было подло. Но Элоиза сама предложила. Она же принесла мне деньги... не знаю, откуда они взялись, но...

Эдди осторожно коснулся плеча матушки.

– Потом... уже там, на Западе... газеты ведь доходят, пусть и не сразу. Так вот... год... год понадобился... мы тоже не спешили, но они еще позже... и я узнала, что она мертва.

– Элоиза.

– Да. Только все решили, что погибла я. На экипаж напали. В той газете была пара слов всего, но... сочли, что это дело рук одной группы... Они называли себя «Освободителями». Они были из числа тех, кто полагал, будто магия – она для всех. И... и им удалось добыть артефакт. От экипажа, от сопровождения почти ничего не осталось. Кости и те обуглились.

– И твои родичи решили, что ты умерла?

– Да.

– А твоя подруга...

– Сбежала, обокрав родителей. Так решили. Позже... еще позже... я... первым делом я хотела написать. Домой. Рассказать правду, но... твой дед...

– Он знал?

– Он был мудрым человеком. И мне повезло встретить его. Я высказала все, а потом плакала... женщины часто плачут. Считается, что это помогает. Хотя чем могут помочь слезы? Но тогда... он не пытался убедить меня в чем-то, скорее задавал вопросы. А я отвечала. И постепенно приходила к пониманию, что возвращаться нельзя.

– Элоизу не пытались искать?

– Нет. Ее родители... скажем так, придерживались традиций весьма ревностно. И дочь, которая поступила подобным образом... ее вычеркнули бы из родовых книг. – Матушка смахнула слезинку. – И ведь вычеркнули. Мне было так стыдно перед ней. Перед всеми. Но твой дед... он был прав. Мое возвращение ничего не изменило бы для Элоизы. Она была мертва.

– А ты жива.

– Именно. Моя семья никогда не согласилась бы на подобный брак. Скорее уж, твой отец... скончался бы. А в то время я его еще любила. Да и он меня. По-своему.

Эдди хмыкнул.

– Он ничего не получил от свадьбы со мной. Пара тысяч золотом? Они не дошли до поместья. Драгоценности? Он не сразу решился их продать.

А когда решился, едва ли выручил больше десятой части, особенно если побрякушки были приметными. А они наверняка таковыми были.

– Меня, вероятнее всего, объявили бы душевнобольной. После того, что случилось, семья не решила бы устроить новый брак. Да и... в целом. И остаток жизни я бы провела в какой-нибудь тихой закрытой клинике, под чужим именем и с чужой судьбой. Я бы даже в нее поверила бы. Со временем. Так зачем возвращаться?

Наверняка она задавала себе этот вопрос не раз и не два.

И находила новые и новые аргументы.

Но... не могла себя убедить. Иначе бы не мучилась.

– Твоей вины нет в том, что произошло. Да и... это могло быть случайностью. Нападение.

– Нет, – матушка покачала головой. – Пока был жив твой дед, наш брак хоть как-то держался. Хоть на иллюзиях высоких чувств. Думаю, твой отец тоже чувствовал себя обманутым. Я ведь не принесла ему ни денег, ни удачи, одно лишь... как он говорил? Великосветское занудство.

– Он был идиотом.

– Да и я не умнее. – Матушка отвернулась от окна. – Твоего деда не стало, и он окончательно ушел... в свою жизнь.

Как вежливо. А главное, точно. В этой жизни папаше не было дела ни до чего. Ни до поместья, которое медленно умирало без хозяйской руки. Ни до жены. Ни до детей. Особенно таких никчемных, как Эдди.

– В наивности своей я еще пыталась как-то его вразумить. Мне ведь говорили, что правильная жена найдет способ наставить мужа на путь истинный. А на деле все это чушь... он приходил пьяный, часто пахнувший женщинами, теми, из борделя. Да и не скрывал. Он орал, что любая шлюха лучше меня... я была кроткой. Пыталась. Но хватало ненадолго. У Милли наша кровь, просто выражена ярче.

Ага. А потому уезжать из этой серости никак нельзя, пока все так... непонятно.

Еще спалит на хрен усадьбу.

Или чего иного учудит.

– Однажды я тоже высказалась. Резко. И едко. Слово за слово, и... у нас случилась настоящая ссора. И в ней он высказал, что половину драгоценностей ему пришлось отдать за это покушение, за артефакт, который стер бы все следы.

– Ты не виновата.

– Я себе тоже это говорю. Но помогает слабо. Тогда я чудом сдержалась, чтобы не убить его.

– И правильно.

– Нет. Я должна была, но... но он вдруг стал ласковым. Потом начал говорить, что все сделал из любви ко мне. Что все еще меня любит. Что иначе нас очень скоро нашли бы. И его бы убили. А так... так никто и не искал. Что я сама виновата, всегда давала понять, что стою выше... что...

Она закрыла глаза.

– Все прошло. – Эдди положил ладони на плечи. – Все уже прошло.

– Если бы... Некоторые ошибки не исправить. Только и остается думать, как сделать так, чтобы не стало хуже. Сейчас проще. Легче. Я уже перестала думать, что я сделала не так. Почему наша любовь оказалась такой... ненадежной?

Эдди мог бы сказать.

Напомнить.

Про эти вот исчезновения, когда папаша просто уходил, не давая себе труда предупредить. И плевать, что скоро зима, а дров нет. И крыша разобрана, он ведь обещал сделать. В погребах если не пусто, то почти. А деньги, отложенные на крышу и продукты, исчезли вместе с папашей.

Про возвращения.

Пьяные песни. Крики. Про... другое.

Этот угробок должен был умереть раньше. Определенно.

– Прошлое... мне нужно будет встретиться с ними.

– С кем?

– Для начала с родителями Элоизы. Объяснить. Попросить прощения... Не знаю. Наверное, это глупо, но мне действительно нужно их прощение. И... чтобы ее похоронили. Под своим именем.

А стало быть, возникнут вопросы.

– Скажи, что это не имеет значения, – попросила матушка.

– Не скажу.

Матушка покачала головой. И Эдди уточнил:

– Тебя будут искать? Ну... если станет понятно, что...

– Будут. Не потому, что так уж обрадуются. Скорее, наоборот. Но... моя семья весьма строгих нравов.

– Поэтому ты с ними и не связывалась.

Ведь могла же. Письмо отправить несложно. Даже в их захолустье почтовые фургоны появляются. А то бы и Эдди отвез в какой город, чтоб побольше и попримичней.

– Пожалуй. Хотя... не только. Мне было невыносимо стыдно. И страшно. Это ведь страшно: признаться, что ты стала соучастницей убийства.

– Ты не виновата.

– Виновата. И я, и твой отец, и Элоиза. И те, кто убивал. Мы все виноваты. Но... да, страшно тоже. И не из-за того, что я сделала. Скорее, из-за Милисенты. Пусть семья не одобрила брак, но заключен он был по закону. Это не стали бы оспаривать. Однако... мне бы не позволили остаться там. И... Милисента. Ее бы забрали.

– Куда?

Матушка не спешила с ответом.

– О моем воскрешении вряд ли объявили бы. Или, возможно, сообщили бы, что я выжила чудом и долго болела, поэтому и скрывали от... друзей семьи. И болела бы я дальше. Весь остаток жизни. Где-нибудь, где никто не усомнился бы, что разум мой пострадал в результате того ужасного происшествия. А вот Милисенту... Милисента родилась с Даром. С очень ярким Даром. А это редкость. И ценность.

Мимо которой семья, которую Эдди уже тихо ненавидел, не прошла бы.

Понятно.

А что могла бы противопоставить бедная вдова? Небось, семья не из простых. Лорды. И леди. И... и связи, конечно. В мире тяжело без связей.

– Я и понадеялась, что мы справимся как-нибудь сами. В конце концов, у нас ведь получалось жить. А... я научилась довольствоваться малым.

Не вышло.

Потому что появился Чарли. И его сестрица. И Змей. И... все остальное.

– А теперь? Что они сделают теперь?

Матушка повернулась к окну спиной.

– Теперь? В том и дело, что теперь они ничего не смогут сделать. А вот я вполне могу потребовать свою долю.

– В чем? – уточнил Эдди, чувствуя, что неприятности приближаются.

– Моя семья весьма состоятельна.

Не было печали.

– И так уж повелось, что при рождении каждый... из нашей крови получал в свое распоряжение некоторую сумму. Как правило, она или отправлялась на счет, где и хранилась, или же вкладывалась в семейные предприятия. Или не семейные. Помимо имени и положения, своему мужу я должна была принести около полумиллиона золотом.

– Сколько?! – У Эдди этакая сумма в голове не укладывалась.

– Думаю, что сейчас больше. Моими деньгами распоряжался весьма... специфического склада человек. Именно с ним я и хочу встретиться. Сейчас он довольно стар, но, насколько я знаю, от дел не отошел. Так что... эти деньги вам помогут.

– В чем?

– Это не Запад, Эдди, – произнесла матушка нежно. – Это цивилизованный мир. Здесь правят деньги. Без них тебя просто никто не воспримет всерьез.

Глава 7. О разбитых надеждах и коварных обманщиках

Эва писала письмо.

Аккуратно. Старательно выводя каждую букву.

«Дорогая маменька...»

Маменька, несомненно, расстроится. Хотя, конечно, о том, что с Эвой случилось, уже известно, поэтому она и будет в расстройстве. И как понять, расстроится ли она сильнее или, наоборот, обрадуется?

Хотелось бы верить во второе, но...

«...сим посланием спешу уверить вас, что пребываю в добром здравии».

Эва чихнула, хорошо, хоть перо успела отложить, а то бы брызги остались. У нее всегда с чистописанием не ладилось, и вот ныне поспешила, а потому последние буквы слились в одну, нечитаемую.

Ничего.

Матушка Гри заверила, что письмо доставят ныне же. А уже завтра, если родители Эвы возместят затраты, то и Эва воссоединится с ними.

Разве не чудесно?

Сердце забилось быстрее. И Эва покусала губы.

«Мне несказанно жаль, что я своим своеволием доставила вам столько неприятностей. Я стала жертвой подлого предательства и спаслась от участи, которая хуже смерти, лишь чудом».

Эва, правда, не была уверена, что жизнь со Стефано и вправду хуже смерти, но в книгах упоминали о чем-то подобном.

Так пусть будет.

И маменька опять же... может, беспокоится и потом не станет сильно ругать.

Нет, станет, конечно.

И сляжет с мигренью. А как встанет, так и запрет Эву в поместье на месяц. Или даже на два. С молитвенником и рукоделием. Пускай. Сейчас Эва была согласна и на такое.

– Ты не пыхай, – пробурчала Кэти.

Она устроилась в углу комнаты, забравшись на кресло с ногами и завернувшись в какой-то вовсе уж необъятный платок грязно-серого цвета. В полутьме поблескивали глаза, а лицо Кэти почти и не различить было.

– Пиши давай.

– Я подбираю слова, – сказала Эва со вздохом. – Не подбираются.

– Так ты по-простому пиши. Чего подбирать. Как оно есть. Гоните, маменька, деньги, пока вашей любимой доченьке не похужело. – Это Кэти произнесла мерзким бляющим голо-сочком.

Эва не так разговаривает!

Совершенно даже непохоже!

Но Эва поджала губы и склонилась над листом.

«Меня спасли люди, которые, однако... – И опять задумалась. Вот как сказать, что им нужны деньги? Тогда это уже не спасение выходит. – ...однако, понесли убытки. А потому для моего возвращения необходимо возместить их в полной мере».

Кажется, так.

Теперь поставить сумму... пять тысяч.

Это много.

Очень много. Но ведь у отца найдутся? Он не пожалеет... он маменьке на день рождения поднес ожерелье с топазами, и та говорила, что стоило оно больше двух тысяч. Две тысячи – это получается, что за Эву два ожерелья просят.

У маменьки их много.

И у самой Эвы тоже драгоценности имеются.

– Написала? – Кэти выползла из кресла. – Тогда шуруй обратнова.

– Там холодно. – Эва протянула лист, на котором поставила свою размашистую подпись. – Я замерзла. А если заболēju?

– Станешь должна больше. – Кэти на лист посмотрела, но как-то так, что стало ясно: читать она не умеет. – Целитель обходится дорого.

Эва поднялась.

Возражать?

Сопротивляться? Нельзя. Тогда ее не просто запрут, могут и на цепь посадить. Конечно, они вроде бы договорились с Матушкой Гри, но... мало ли.

И вниз Эва спускалась спокойно. Благо бульон вернул силы, и пусть ее еще слегка покачивало, но не настолько, чтобы потребовалась посторонняя помощь.

Дверь заперли.

Правда, ненадолго. Скоро Кэти вернулась с толстым одеялом, которое пестрело пятнами, но Эва согласна была и на такое. Еще и платок принесла:

– На от. Неженка.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Эва, а Кэти только фыркнула. И снова ушла, правда, чтобы в очередной раз вернуться. И притащила поднос с миской каши и высоким кувшином, от которого пахло травами и еще чем-то кислым.

– На-ка. Ешь. А то тощая совсем. И без сисек. Без сисек клиент плохо идет. А нет клиента, нет и денег.

Эва кивнула, опасаясь уточнить, какой именно клиент должен быть. Точнее, она догадывалась, но догадка эта была слишком ужасна, чтобы в нее поверить.

Дверь Кэти заперла.

А Эва... Эва села есть. Есть ведь хотелось, причем настолько, что темная сваренная на воде овсянка показалась невероятно вкусной. А вот от компота закружилась голова, и... и, кажется, она снова скользнула в сон. Точнее – скользнуло тело, дух же остался.

Рядом.

Он и видел, как отворилась дверь, пропуская Кэти. И та, обшарив Эву – что она надеялась найти? – затолкала ее на лежанку. Сверху Кэти набросила платок, а уж потом накрыла одеялом.

Постояла.

Вздохнула.

И забрала поднос.

Эва двинулась следом. Что еще делать? Кажется, что-то подлили в компот, но если и травы, то другие.

– Спит? – Матушка Гри ждала наверху. И эта комната разительно отличалась от прочих. Она была невелика. И светла. Горел камин, и кресло Матушки Гри стояло столь близко к нему, что это было просто-напросто небезопасно.

Сияли свечи.

И зеркало притаилось в углу.

Изыщная мебель.

Обои в темно-зеленую, по последней моде, полоску.

– Да, Матушка.

– Все съела?

– Да, Матушка. И выпила.

– Вот и отлично. Утром дашь ей напиток. Выведи погулять. Вроде девица не совсем безголовая, пусть разомнется, а то сама знаешь, взаперти они хиреют.

– Хорошо.

– Садись. – Матушка указала на кресло. – Письмо... найди мальчишку, только толкового, пусть отнесет. Она сказала, куда?

– Да.

– Замечательно. За мальчишкой пусть Шнырь приглядит. И за домом тоже. Посмотрим, так ли она нужна...

– Думаете... – робко поинтересовалась Кэти.

– Спину выпрями. И следи за осанкой. Опять корсет не надела?

– Он давит!

– Он фигуру выправляет. Иногда нужно уметь терпеть неудобства. – Странно, что говорила она точь-в-точь как родная матушка. – Если и вправду надеешься открыть свое дело, научись преподносить себя. В тебе должны видеть не поднявшуюся шлюху, а леди.

– Леди? – Кэти издала хриплый смешок. – Да какая из меня, на хрен, леди?

– Пока и вправду никакая, – легко согласилась Матушка Гри. – Бери пример с девчонки. Уехать с любимым, чтобы очнуться непонятно где, узнать о предательстве... и бровью не повела. Ни слез, ни истерики... истинная леди. Сдержанность и достоинство.

Эва вздохнула.

Наверное, маменька могла бы порадоваться. Все-таки ее воспитание дало свои плоды, но... что-то подсказывало, что не порадует.

– Дура она просто, – возразила Кэти. – И не сообразила пока, во что вляпалась. А вы... отпустите?

– Глупости не говори. Редкий товар. Этот идиот сам не понял, что ему попало в руки... Нет, но деньги лишними не будут.

Услышанное заставило Эву окаменеть.

Как так?!

Они ведь договорились!

– Не вздумай сболтнуть лишнего, – спохватилась Матушка Гри. – Пусть девчонка думает, что семья ее с выкупом затягивает. А пока – пусть ест, гуляет. В целом она здорова, но цвет лица надо подправить, больно бледная.

– И долго?..

– Весточки я уже разослала. Думаю, недели хватит. Там устроим встречу с... действительно достойными людьми.

– А ей чего скажем?

– Скажем, что семья от нее отказалась. И что она должна мне денег.

Сволочи!

– А поверит?

– Куда ей деваться. – Матушке Гри, кажется, было все одно. – Главное, чтоб сейчас не дергалась, а потом уже пусть хозяин за ней и приглядывает.

Хозяин?

Какой хозяин... и что делать Эве?

А что она может сделать?! Закричать... только крик призрака разобьется о запертые стены.

Нет. Это не выход. Тогда в чем выход? Надо... надо снова... нет, нет, нет! Тори ведь, когда попробовала... она не вернулась. И сама Эва... с ней ведь то же самое может произойти... и... сейчас подходящее время.

Тело спит.

А если... если Эва все-таки не вернется? Если то, что случилось с Тори, повторится? Тогда... возможно, это и к лучшему. Тело останется. И ему будет совершенно безразлично, что с ним сделает Матушка Гри. А так...

Спокойно. Надо успокоиться. И думать. Правда, думать у Эвы никогда не выходило, точнее, она если и думала, то не так, неправильно. Но сейчас она постарается. Надо... надо что-то сделать.

Как-то.

Что? И как?

Брат сейчас должен бы уже вернуться домой.

Берти всегда относился к Эве... хорошо. Пожалуй. Он, конечно, как отец, всегда занят, но когда нет, он... Надо все-таки успокоиться.

Это важно.

Прежде всего – успокоиться. Но как, если внутри все кипит? Ничего. Вдох и выдох. Призраки тоже умеют дышать. Во всяком случае, Эва помнит, как это делается. И досчитать до десяти. Лучше до дюжины. Дюжина яиц стоит пенни, пара фунтов муки – еще один, сколько можно испечь пирогов? И почему продавать их на благотворительной ярмарке, чтобы это не принесло убытка?

Глупая задача.

Для пирогов муки и яиц мало, надобны еще сахар, соль, молоко и дрожжи, не говоря уж об изюме с орехами, которые хорошо бы вымочить в крепком бренди. Так, кажется, получается. Задачи по хозяйству всегда приводили Эву в ужас, но оказалось, что настоящий ужас куда ужаснее. Теперь... теперь в тело.

Соединиться.

Но не позволить себе уснуть. Точнее, надо уснуть, но сохранив во сне разум. Как... это было так давно. И она уже почти забыла, насколько ярок тот, иной мир.

Надо помнить, что он не настоящий.

И... и он больше, чем просто сон.

Во сне она сидела у окна и вышивала. Еще одно утомительное занятие, которое Эва терпеть не могла.

– Какая красота получается. – Тори взмахнула руками, и широкие рукава ее платья взметнулись, словно крылья. Она явилась в бирюзовом. Ей очень к лицу этот цвет.

И... и неправда.

Тори давно забыла, как улыбаться. Взгляд ее рассеян, на лице застыло одно и то же слегка удивленное выражение.

– Тебя нет.

– Я есть, глупая. – Тори крутанулась, и пышные юбки взлетели. А платье на ней то самое, как... как в тот день. Первое взрослое, длиной в пол. И никаких панталончиков, которые бы выглядывали.

Муслин.

Кружевная отделка.

И крохотные серебряные пуговицы.

– Ты не вернулась.

– А ты сбежала, но я знала, что рано или поздно мы встретимся. Я так рада! Я так по тебе скучала. – Тори протянула руки. – Обними же.

– Нет. – Эва отступила и покачала головой. – Это не ты. Ты... заблудилась.

– Глупости. Я просто не захотела возвращаться, и все. Зачем?

– Там жизнь.

– И здесь тоже! Оглянись! Смотри... – Взмах рукой, и комната, очертания которой и без того были смутными, как это случается во сне, исчезла.

Луг.

Тот самый, из детства.

Синяя нить реки. Цветы. Запах их тяжелый, и это заставляет отступать. Во снах запахи – редкость. А тут... и Тори кружится, превращаясь в себя, прежнюю.

– Здесь лучше, чем там! Знаешь, почему?

– Нет.

Надо... надо уйти. Куда? Как вырваться из сна, если он становится реальностью. Не верить. Просто не верить. И... и Эва сюда пришла не просто так. Ей помощь нужна.

– Потому что здесь все так, как я хочу! Смотри!

– Девочки... – Маменька шла по лугу, и ветер тянул юбки ее легкого платья. Дрожали ленточки на шляпке, которую маменька придерживала одной рукой. – Идемте. Мороженое тает...

Мороженое?

– Берти все съест.

– Не съест, – шепнула Тори. – Я ему не позволю! Это ведь мой сон.

– Нет, – Эва покачала головой. – Это мой сон.

– Он может стать общим. В конце концов, что тебя ждет? Да, может статься, за тебя все-таки заплатят, но не факт...

Не слушать.

Но не получается.

– Ты ведь сбежала из дому. Опозорила и себя, и семью. О побеге узнают. Даже если попытаться скрыть, все равно узнают. Есть ведь слуги, а они не будут молчать. Так что скоро о твоём поступке заговорят все. Все-все, Эва! – Это она прошептала на самое ухо. – И что тогда? Замуж? Кому ты после всего нужна?!

Обида закипала внутри.

Эва не виновата, что... что все так.

– Ты стала здесь злой.

– Нет. Это ты всегда была слишком добренькой. А на самом деле им проще тебя похоронить. Раз – и нету. Или запереть где-нибудь. Где они заперли меня? В поместье? Так и с тобой сделают. Чтобы приличий не нарушать. А в моем мире... они будут нас любить! Всегда! Что бы ни случилось!

– Но это ведь неправда!

– Пока ты в нее не поверишь. А когда поверишь, будет правдой. Так что, Эва, дорогая, выхода у тебя нет... тебя продадут. Возьмут и продадут. Как лошадь. А дальше что? Что с тобой сделают? Знаешь? Хочешь, расскажу?

– Откуда ты...

– Во снах людей столько всего. – Тори села на качели и легко оттолкнулась ногой. – Жаль, что я не до всех могу дотянуться. До тебя могу.

– Вернись.

– Зачем? Чтобы маменька опять приставила ко мне гувернантку? Чтобы мучить себя чистописанием? Или составлением букетов? Чтобы слушать о долге? О том, как я должна себя вести? И выйти замуж за того, на кого укажут? А потом променять одну клетку на другую? Не от этого ли ты бежала, Эва?

– Я... я просто влюбилась.

– Нам нельзя влюбляться. Тебя ведь предупреждали.

Да. Предупреждали. Но... но никто не говорил, что не влюбляться так сложно!

– Себе хоть не ври. Любовь ни при чем. Тебе просто надоела та жизнь. Я тебе предлагаю новую. Совершенно иную! Таковую, в которой ты будешь счастлива! Всегда! Каждое мгновение!

Ложь.

– А врать ты так и не научилась. – И Эва сделала единственное, что могла: стерла этот сон.

И... дальше что?

Назад? В тело?

Тогда... тогда и вправду все зря. Нет. Она не отступит. И страшно. Безумно страшно. Тори сошла с ума? Или это не Тори? Это разум играет в игры? Тори не вернулась, но... но это не значит, что именно ее Эва и встретила.

Думай.

Думай же. Не о любви. О спасении. Нужно дотянуться до... до брата. Он ведь приехал, так? И должен быть... в городе должен быть. Где? Дом.

Их городской дом.

Эва год уже там не была, но представила его себе таким, каким помнила. Серое мрачное строение в готическом стиле. Высокая ограда. Каменные чудовища на карнизах. Маменькины петунии, которыми она пыталась хоть как-то развеять поселившуюся в доме черноту.

Холл.

Пустой и гулкий.

– Бертрам! – Эва чувствовала себя ничтожно мелкой. И голос ее тонул в пустоте, только где-то там, в темных глубинах дома, отозвалось эхо:

– Трам, трам...

Надо подняться. Лестница выглядит бесконечной, но это ложь. Это... это сон Эвы! И если повезет, то не только ее. Шаг. И она на вершине. Что ж, получается. Теперь надо найти...

Маменька.

– Боги, за что мне это! – Маменька в гостиной, полулежит в кресле, прижимая ко лбу белое полотенце. Наверняка пропитанное ароматными маслами. – Как она могла?! Как могла так с нами поступить?

– Хватит, мама! – А Бертрам изменился.

Загорел? Не сказать чтобы сильно. Он все равно остался бледным и... и все же изменился, хотя не понять, как именно.

– В том, что случилось, наша вина. Мы не смогли ее защитить.

– Сложно защитить от дурости.

Бертрам покачал головой. Но говорить ничего не стал. Он задумался, уставившись в окно. За окном клубилось что-то серое.

– Бертрам!

– Я послал в банк. Деньги будут, но...

– Когда она вернется, я ее выпорю!

– Если, – тихо поправил он.

– Что?

– Если вернется. Они не всегда возвращаются, мама... я видел. Ты просто не понимаешь пока, как часто они не возвращаются.

– Твоя невеста. – Эти слова маменька почти выплюнула. – Негодная девчонка...

– Которая просто поверила в любовь. Да и та любовь... ее внушили. А теперь она мертва.

– Мне... жаль.

Маме не было жаль. Но разве это имеет значение.

– Сейчас главное, чтобы Эва вернулась.

Нет! Ее не вернут! Обманут!

Их всех обманут!

Но на душе все равно тепло. Эву не бросают. Эва нужна своей семье. Пусть даже и опозоренная. А...

– Бертрам! – Эва вложила в этот крик все силы. Но брат даже не дрогнул. Да и... это сон? Или правда? Или... или изнанка мира, о которой предупреждала бабушка?

– Я поработаю с деньгами. – Он повернулся к матушке. – Иди. Отдыхай. Объяви, что Эва заболела.

– Не поможет. Кто-то все равно проболтается.

– Тебе ли не знать, что болтовня без доказательств ничего не стоит. Да и сейчас найдется о чем поговорить. Император пока знает не все, но того, что Диксон привез с собой, хватит, чтобы всколыхнуть это болото. Про Эву и не вспомнят. Если она вернется.

Он стиснул кулак, и вокруг полыхнуло темное марево.

– Берг!

– Извини, мама. Я... мне нужно побыть наедине. Подумать. И когда придут из банка, отправь ко мне.

Маменька молча поднялась. Она никогда не возражала и отцу, когда он пребывал в том беспокойном состоянии, которое позволяло Дару раскрыться.

– И еще... я жду одного человека. Точнее, не совсем человека, но он разбирается в делах подобного рода. Предупреди, чтобы Венцель его не завернул.

Когда маменька вышла, Бертрам закрыл лицо руками.

– Что же ты натворила, Эва...

Эва вздохнула.

Ей жаль.

Очень.

Глава 8, в которой случается более близкое знакомство со свекровью к обоюдному неудовольствию

Я смотрела на свекровь. Она смотрела на меня. Так мы и сидели. Буравили друг друга взглядом. И чем дальше, тем сильнее становилось желание сбежать.

– У вас весьма выразительное лицо. – Моя свекровь подняла хрупкую чашечку. – Интересные черты. Есть в них что-то такое... нечеловеческое.

– Мой отец не был человеком.

Да я и сама дракон. Но это я говорить не стала. Я ей и так не нравлюсь, без чешуи и крыльев.

– Весьма интересно, – сказала она безразличным тоном. – Но будет лучше, если вы не станете говорить об этом вот так... откровенно.

– Почему?

Нет, папаша был гребаным придурком, тут сомнений нет, но кровь-то тут каким боком? Придурок – понятие интернациональное, от расы и происхождения не зависящее.

– В обществе не принято.

– А...

– И вообще, лучше поменьше о себе рассказывать. Мы потом подумаем, какую историю сочинить, чтобы этот брак не казался таким вот...

– Каким?

Чувствую, вот-вот полыхну.

А все Чарли! Я отъеду, дорогая. Ненадолго, дорогая. В канцелярию вызывают, к императору. А ты пока осмотришься.

Дорогая.

Чувствуй себя как дома, что называется.

Чаю попей.

Опять.

Вот и сию. Хлебаю прозрачный безвкусный чай.

– Нелепым, пожалуй. – Маменька Чарльза отставила чашку. – Вы совершенно не вписываетесь.

– Во что?

– Ни во что.

Ага, прежде всего, в ее планы.

– Что поделать. Уродилась я такой, неписуемой.

И снова сидим. Смотрим друг на друга. Ей явно хочется мне яду сыпануть, да и у меня мысли подобные в голове крутятся, чего уж тут. Но улыбаемся. Старательно так. Аж лицо сводит.

– К сожалению, – это моя дорогая свекровь произнесла с искреннейшим огорчением, – нам придется искать выход.

И вздохнула.

Я тоже вздохнула. А чашечку отставила.

– А ужин будет? – поинтересовалась я, потому как завтрак давно переварился, обед я, как понимаю, пропустила, но хоть на ужин-то попасть должна.

– Леди пристало проявлять умеренность. – Свекровь не упустила случая уколоть.

– Леди пусть проявляют, а я жрать хочу. – Почему-то хотелось сделать гадость.

Определенно.

Я ведь знаю, что леди так не говорят.

И не сидят откинувшись в кресле, опершись на подлокотник. И вообще, ведут себя иначе. Я... я бы тоже могла. Наверное. Да вот беда, желания нет.

Маменька Чарли прикрыла глаза.

– Что ж, – сказала она. – Думаю, нам стоит поговорить серьезно.

А то до этого мы мило шутили?

– Ужин, несомненно, будет, но я не уверена, что вам, дорогая моя, место за одним столом с воспитанными людьми.

– Могу пожрать и в комнате.

Матушка моя укоризненно взглянула бы, и у меня бы сразу проснулась совесть. Может, даже настолько, чтобы извиниться. И притвориться леди.

Чтоб их.

Но матушки тут нет... к слову, надо узнать у Чарли, где она.

– Да, это будет замечательно... завтра я приглашу модистку. И кого-нибудь, кто займется вашей внешностью, хотя сомневаюсь, что ее можно улучшить. Но цвет вашей кожи общество не поймет.

Охреть.

Еще и цвет кожи не угодил. Обществу. Чарли вот притерпелся как-то, а общество, значит, не поймет.

– К сожалению, мой сын весьма уперт. Да и брак этот... боюсь, что в свете последних событий его императорское величество могут пойти навстречу и дать свое согласие.

– На что? – осторожно поинтересовалась я.

– На то, что этот нелепый брак признают законным.

Нелепый?

Может, и нелепый мой брак... Может, даже совершенно случайный и в любом ином случае мы бы в жизни до женитьбы не дошли. Но все равно ведь он настоящий.

Его боги благословили.

– А может быть иначе? – сухо поинтересовалась я. А внутри опять закипело. Что я ей сделала-то? Я ведь не стремилась. Чарли сам вызвался. А потом... потом взял и свалил из дому, оставив меня наедине с этой вот, будто не понимая, чем все закончится.

Или рассчитывал, что мы возьмем и проникнемся друг к другу внезапной любовью?

– Вполне... видишь ли, дитя...

Дитя я стерпела.

Я вообще бываю на диво терпеливой, особенно когда револьвер далеко, а убивать человека вроде пока и не за что, пусть даже очень хочется.

– То, что вы называете браком, несомненно, является связью... и вполне вероятно, это имеет какое-то значение там, в Диких Землях. Но здесь, в цивилизованном мире, важен брак, заключенный в храме.

– Храм был.

– И священник? Рукоположенный? Такой, чье имя значится в списках Храма?

Вот тут я задумалась. Сомневаюсь.

Крепко.

– Ты вообще в церкви бывала?

– Бывала, – честно ответила я. – Раза два. Или три.

– Боже...

– По делу. Там один мошенник прятался. Выдавал себя за священника. А на деле – скотина и многоженец. Еще и конокрад.

Свекровь закатила глаза.

– Многоженство ему простили бы. С кем не бывает. У нас и вправду все проще с этим делом, да. А вот кони – это другое. Особенно когда уводишь их у людей серьезных... нам за него двадцатку заплатили.

Леди прикрыла лицо рукой.

– Но в церкви я бывала. Даже на службе. Как раз он и вел. Кстати, говорил предушевнейше. А что, чего-то не так?

На деле это не совсем чтобы правда. Хаживала я туда. С матушкой. И одно время даже пыталась слушать, что говорят, но говорили обычно много и нудно, отчего зверски клонило в сон.

Сомневаюсь, что тут иначе.

– Все не так, девочка... Все не так. Во-первых, Чарльз состоит на службе императора, а потому не может вступать в брак без высочайшего на то дозволения.

Да. Неудобненько вышло.

– Закон старый. Император им не злоупотребляет, как правило он с легкостью дает согласие, но не тогда, когда воля его была нарушена.

– Мы не специально, – вздохнула я. – Так уж вышло.

– Верю. – Она убрала руку и поглядела на меня с сочувствием. Почти. – Но тем не менее Чарли совершил ошибку, и за нее спросят. Во-вторых, у его величества имелись собственные планы.

Что-то там такое я слышала.

– И выходка Чарльза определенно вызовет неудовольствие.

Ну... мне жаль. Или нет? Пока не решила. А потому молчу.

– Добавим то, что Церковь уже лет сто как добилась права признавать лишь те браки, которые заключаются под сенью ее и ее же служителями. Делалось это именно для того, чтобы защитить глупых девочек, которые сбегали из дома, чтобы сочетаться каким-нибудь «старым обрядом». Как правило, после этого они оказывались на улице, без денег, с испорченной репутацией и хорошо, если не в положении. А их так называемый «муж» снова и снова сочетался браком...

– То есть...

– С одной стороны, вы связаны, это будет видно каждому, кто хоть что-то понимает в магии. С другой, эта связь, существующая в тонком мире, не затрагивает такую вещь, как закон и право. С точки зрения и того, и другого, Чарльз совершенно свободен.

Задница.

И не просто задница, а глубокая, адски глубокая задница.

– Вижу, ты способна думать. – Маменька Чарли улыбнулась куда как сочувственно. – Да, разорвать эту связь невозможно, но и не нужно. Ничто не помешает моему сыну, допустим, отправить тебя... куда-нибудь. Наш род богат, найдется поместье.

Где-нибудь в их цивилизованной глухомани.

– Ты будешь жить там. Чарльз – мальчик благородный, он не бросит свою так называемую супругу... но он поймет, что для рода будет лучше, если об этой... свадьбе никто и ничего не узнает. И для тебя тоже лучше.

– Хрена с два.

– Дочка, ведь жить можно и не в поместье. Есть иные, куда менее комфортные места...

– Знаете, – я поднялась, – о том, где мне жить, я у мужа спрошу. И да, если уж так нужно постоять в этой вашей церкви, думаю, Чарли не откажется.

Свекровь поджала губы.

Кажется, от меня ждали чего-то другого. Чего? Да... плевать.

– Эй, – я окликнула лакея, что крался мимо, – где тут мои комнаты? Отведешь?

Он икнул.

И кивнул.

Его императорское величество слушал.

Внимательно.

Не перебивая. А Чарльз не мог отделаться от мысли, что привозить сюда Милисенту было ошибкой. Что... Он запнулся. И продолжил. А его императорское величество едва заметно кивнул, то ли подбадривая, то ли отвечая на собственные мысли.

И оставлять ее наедине с маменькой – тоже ошибка.

Маменьке она не понравилась. Оно и понятно, у маменьки имелись планы, а она терпеть не может, когда эти планы ломаются. Пусть даже ломает их Чарльз.

Еще и Августа.

Сестрица, может, на Чарльза планов и не имела, но почему-то решила, что во всех бедах ее именно Милисента и виновата. А значит, с маменькой общий язык найдут.

Завтра же.

Завтра Августа отправится в деревню. Там воздух свежий, покой. И маменька с нею, хотя будет возражать, но Чарльз справится.

И с императором в том числе.

– Что ж... – Император заговорил, и низкий рокочущий голос, как всегда, вызвал желание согнуть спину. – Не могу сказать, что новости хороши, но да, могло быть и хуже. Мой дорогой родственник изложил примерно то же самое.

Император тяжело поднялся.

Уже не молодой, но еще не старый. Невысокий. Хрупкий даже. Но от него тянуло такой мощью, что находиться рядом могли немногие.

Чарльз мог.

– Силы у тебя прибыло. Хорошо. А вот нерасторжимый брак не слишком хорошо. У моих имелись на тебя виды, но как-нибудь переживут... девочку надо представить. Если и вправду так сильна, то и дети будут хорошие. Дети...

Император опять замолчал, как случалось порой. Взгляд его блуждал по комнате, не задерживаясь ни на золотой лепнине, ни на портрете, где его императорское величество были изображены с семьей.

– По обряду. Ты читал?

– Да.

– Что думаешь?

– Там и вправду ничего сложного.

– Именно. В этом и проблема. – Император оперся на столешницу. – А замолчать не удастся. Слишком многие знают... знали... в Старом Свете и вовсе... поселение то опять же.

Он задумался.

– Убрать не получится. Заткнуть тоже. Надо ограничить.

– Но...

– Зачем? – предугадал вопрос император. Чарльз выдержал его прямой взгляд. – Магов становится меньше, это да. И продолжить род им сложнее. Это тоже верно. Старик отыскал способ. Надо бы порадоваться, но не выходит.

Почему?

Технология ведь снимает почти все ограничения. Или... не в этом дело? Маги нужны, несомненно. Императору в том числе, но когда магов слишком много...

– Вижу, начал думать. И понимать. Если просто выпустить это в мир, то каждый, в ком есть хоть капля Силы, станет плодить себе подобных. А ведь мага мало родить, его еще надо выучить. И проконтролировать, чтобы он со своей Силой какой пакости не учинил.

К примеру, заговора.

Или восстания.

– Вот! – Император поднял палец. – Поэтому если уж знают все, то пускай себе знают. Надо лишь несколько подкорректировать это знание. Скажем, создать Ритуал. Особый. Провести который сможет лишь особа императорской крови.

– А... как же Змей? То есть лорд Сассекс?

– А в нем есть эта кровь. Сассексы происходят как раз из боковой ветви Тюдоров. Более того... – Тяжелые пальцы легли на спину золотой лошади. – Его бастард проводил обряды, но девочки умирали. Пусть об этом станет известно. Причем чем больше людей узнают, тем лучше. Впрочем, это не тебе дело, найду, кто займется.

Чарльз не сомневался.

Завтра или, возможно, послезавтра в газетах выйдут статьи. Страшные. Про Город Мастеров. Про свихнувшегося потомка древней династии... мало ли про что еще. С подробностями и гравюрами. Пусть гравюры будут посредственного качества, а подробности далеки от правды, но кому нужна правда? Людям бы сказок, да чтобы жутких, но со счастливым концом.

– Пусть до всех дойдет, что ритуалы у него не выходили, поскольку сила крови была не та... и вообще отца не слушал.

Император посмотрел Чарльзу в глаза:

– Ты...

– Буду молчать.

– Именно. Умный мальчик. – Его величество благосклонно кивнули. – А лучше намекни, что у меня кровь нужной силы.

А значит, обряд может быть проведен.

Но снизойдет император не ко всем. И это тоже ясно.

– Вот и замечательно... – Император повернулся к креслу. И все-таки он немолод. Но и старым назвать его язык не поворачивается. Сколько ему? Не то чтобы это скрывалось, но Чарльз как-то раньше не задумывался над подобным. – Награду... сам думай, что тебе надо.

– Брак. Вы признаете его законным.

– Это вопрос?

– Это просьба. И награда.

А еще он умеет улыбаться, только улыбка какая-то... тоскливая.

– Уверен? Можно ведь иначе.

– Нельзя. – Чарльз и этот взгляд выдержал. И плечи расправил, хотя, конечно, кто он рядом с потомком воистину древнего рода. – Никак нельзя.

– Говорю же... умный мальчик.

Глава 9, где снова появляется работа по профилю

В дверь робко постучали.

– Господина Эдварда Годдарда спрашивают, – возвестил мальчишка из-за двери. – От господина Орвуда!

Чего?

Эдди не сразу понял, что спрашивают именно его... Эдварда. Придумали, однако же.

Господин.

Эка завернули.

– Иди, дорогой, – улыбнулась матушка. – А я пока напишу письмо.

Слуга в ливрее, которая с виду стоила куда больше всего гардероба Эдди, смерил его недоверчивым взглядом, а потом поклонился-таки.

И записку протянул, добавив от себя только:

– Экипаж ждет.

Эдди записку развернул, едва удержавшись, чтобы не понюхать плотную бумагу. И с гербом. Ишь ты... а вот черкнул некромант пару слов:

«Приезжай. Срочно. Пожалуйста».

– Сейчас. – Эдди вернулся за шляпой и револьверами. Цивилизация тут или как, но револьвер в деле точно лишним не будет.

Экипаж сиял лаком и гербами, лошади лоснились, а кучер солидностью мог спорить с тем, другим, который доставил их с матушкой к отелю.

Эдди хмыкнул и, забравшись в обитое бархатом нутро, откинулся на диване. И глаза прикрыл. Что-то наклеивается... определенно.

Особняк некроманта стоял на перекрестье двух широких улиц. Он возвышался темною громадиной, и глубокая тень ложилась что на эти улицы, что на экипажи, что на людей.

Пахло...

Да городом и пахло. Железом. Дымом. Сточными канавами, которых вроде и не было, но Эдди их чуял. Прячь или нет, от вони так просто не избавишься.

Он оценил и кружевное плетение ограды.

И ворота, что распахнулись перед экипажем будто сами собой. Серый камень. Серые фигуры диковинных зверей. Узкие стрельчатые окна, которые тоже кажутся серыми.

Редкие цветы.

Правда, им тут тяжело, оттого и цветут мало, да и вовсе выглядят так, словно вот-вот прахом станут.

Дверь открыли.

Поклонились.

– Господин ждет. – Сухие слова, но и тон, и взгляд выражают легкое недоумение.

Плевать.

А некромант за полдня успел перемениться. Куда только подевались и дорожная помятость, и щетина.

– Добрый вечер. – Эдди приподнял шляпу, решив, что и этого довольно. – Или не очень.

– У меня сестра пропала. – Бертрам указал на кресло. – Садись.

Тут Эдди и подумал, что где-то он уже это слышал.

– Вот... прислали. Письмо.

Некромант протянул пару мятых листов, исписанных бисерным почерком. И рука таки дрогнула.

– Давно? – Листы Эдди взял.

Скользнул взглядом, отмечая, что почерк, конечно, красивый, но за этой красотой хрен поймешь, чего там написано. То ли «а», то ли «о», то ли просто кружавчики.

Нет, он прочел.

Читывал каракули и похуже.

Бертрам не торопил.

– Маменька утверждает, что понятия не имела об этом... Серджио. Я отправил людей к ее подруге, но... сам понимаешь, пока туда, потом обратно... полиция... они немногим больше могут. Да и ненадежно это. Слухи пойдут. Хотя... плевать на слухи.

Он стиснул кулаки, и в кабинете стало неуютно.

Настолько неуютно, что и Эдди это ощутил всей своей каменной шкурой.

– Верни ее.

– Послушай... – Эдди осторожно положил листы. Ничего нового.

Большая любовь.

С девицами случается. Со всеми, даже самыми разумными. И незамутненная вера, что все-то будет хорошо, что с нею ничего плохого случиться не может. Что она выйдет замуж, обустроится и всенепременно напишет.

– погоди, – Бертрам вскинул руку. – Вот. Сегодня принес какой-то оборванец.

Тот же почерк. Бисерные буковки, утопающие в завитушках. Таким хорошо писать приглашение куда-нибудь, а не это вот... нет, ничего такого в письме не было, кроме острого ощущения неправильности.

– Ты можешь хотя бы объяснить, что с ней? – тихо спросил Бертрам. Он оперся на стол, и показалось, что, несмотря на кажущуюся худобу некроманта, дубовая столешница все же не выдержит его веса.

– Ну...

– Правду.

Правду. Эдди поскреб щеку. Щетина уже пробивалась, что неприлично даже по тамошним, западным меркам. А тут, надо думать, двухдневная небритость и вовсе сродни преступлению.

– Ты понимаешь, что это лишь... догадки? – осторожно осведомился Эдди. Еще подумалось, что Чарли в родственниках – не самый худший вариант.

Маг, конечно, но... не некромант все же. А тут прямо жутью веет.

Жуткой.

– Меня устроит.

– Что ж... думаю, что твою сестрицу выбрали, как... остальных.

– Как и мою невесту?

– Она ведь девица из хорошей семьи, да и с Даром ко всему.

– Не сказать чтобы сильным.

– И слабый сойдет, – отмахнулся Эдди. – Ты ж сам знаешь, одной капли достаточно.

– Змееныш же мертв. И не только он.

– Так ведь... понимаешь, даже нормальная змея, если ей голову отчекрыжить, не сразу преставится, чего уж про такую говорить. Это ведь... смотри, Змеенышу нужны были бабы. Девицы, – поправился Эдди. – Сперва немного, но чем дальше, тем больше. Для него. Для союзничков. Для... да мало ли для чего. Думаю, что и тут многие бы не отказались от милой покорной супруги, которая всенепременно родит одаренное дитяtko. Верно?

– Дерьмо, – буркнул Бертрам.

– Вот-вот. Там-то мы поработали, но тут ведь... не сами же благородные господа на девок охотились. Для этого специальные люди есть. Такие, которые горазды голову задурить. А после перевезти девицу в тихое местечко, ну и оттуда в Город Мастеров, где ей окончательно мозги свернут большой любовью. И эти люди далеко не сразу сообразят, что товар сбывать некуда.

– Товар?

– А для них это и есть товар. Специфический. Неудобный. Но дорогой. – Эдди все-таки присел на кресло, которое даже не заскрежетало. Крепкое, стало быть. – И работа.

– Я...

– погоди. Не перебивай. Так вот, с твоей сестрицей работали, судя по этому вот письмецу. Целенаправленно. Внушая, что у нее любовь и бежать надобно. Она и сбежала. Но вот это, – Эдди поднял второе послание, писанное на мятой какой-то пропахшей плесенью бумаге, – говорит, что все пошло не так.

Он сделал вдох.

– Скорее всего, ее большая любовь узнала, что сбывать некому. Или перекупщик сказал, или... Повезло, что от нее сразу не избавились.

Некромант прищурился. И как-то вспомнилось, что от этой братии и на том свете не скроешься.

Найдет.

Всех.

– Девчонку скинули, думаю, какой-то знакомой мамашке. И та выложила неплохие деньги. Меньше, чем заплатил бы Змееныш, но все же...

– Убью.

– Это ты потом. Сперва список составить надо.

– К-какой? – Бертрам почти шипел.

– Кого убивать станешь. Но не спеши. Мамашка, небось, привела девчонку в чувство и порасспросила. Они умеют... разговаривать.

Пальцы хрустнули.

– погоди. Я не о том. – Эдди поглядел с укоризной. – Никто не станет девчонку мучить или пытаться. Это ж товар. Его испортить недолго. Будет скандалить, отвесят затрещину-другую, и все. Но и то навряд ли. Есть же травы... тот же морфий. Или опиумная вода. Любая спокойно станет. Мамашке что надо? Чтoб затраты отбились. А от истерящей, рыдающей девицы какой прибыток? Так что будь уверен, писала она сама. И без принуждения.

– Они ее вернут.

– А вот на это я бы не рассчитывал, – покачал головой Эдди и замер, упершись пальцами в подбородок. Бертрам не торопился. – Понимаешь... мамашки – твари скользкие, а еще с немалым чутьем на неприятности. Вот вернут тебе сестрицу. Ты же не забудешь, что она пропала? Начнешь копать, выяснять, что, да где, да как... этак, глядишь, и до правды дойдешь.

– А так не дойду?

– Ну... я-то тебя знаю. Доберешься. Но они-то к другому, может, привыкли... скажем, дадут тебе адресок, ты туда кинешься и найдешь горящий домишко. В нем же кости. Или вот одежонку знакомую на берегу реки.

– Это вернее. По костям я многое сказать могу.

– Ну вот. Или еще что... возвращать и опасно, и невыгодно. Куда приятнее дважды получить плату за один товар. Ты это... не сорвись, – попросил Эдди.

– Я слушаю.

И так сказал, просто аж до самого хребта холодом и жутью протянуло. Эдди почесал шею.

– Так слушать нечего более... разве что тварь это старая и опытная, а оттого самоуверенная.

– Думаешь?

– Думаю. Письмецо сюда принесли?

Бертрам кивнул.

– Они не могли не знать, чей это дом. И семейка твоя наверняка на слуху. А это плохо... девку продадут, но... понимаешь... такие дела... такой товар – он не для простого человека. Стало быть, съедутся благородные господа.

– Ты преувеличиваешь.

– Ну или богатые. Очень богатые. Такие, которые могут потратить пару тысяч на молоденькую невинную девицу. Не суть. Главное, что... понимаешь, они лишь бы с кем дела иметь не станут.

Бертрам перевел взгляд на стену.

– Тут еще вот что. В нашем городке, например, мамашка местная крепко шерифа привчала, да и мэру не забывала поклониться, хотя, конечно, о том никто вроде как не знал.

Эдди замолчал.

– В полицию идти бесполезно? – уточнил Орвуд.

– Ну... скажем так, ты, конечно, сунулся бы, после того как сестрицу не вернут. Тебя выслушают. Покивают. Учинят расследование, которое ничем не закончится.

Бертрам в ответ выразился вполне определенно.

– Но есть и хорошие моменты.

– Хорошие? – Бертрам стиснул кулак так, что костяшки побелели.

– Время. Оно еще есть. Конечно, существует возможность, что она предложит твою сестру конкретному человеку, но... обычно мамашки предпочитают аукцион. А собрать его не так и просто. Никто не бросит дела ради прихоти старой сводни.

– Сколько?

– Дней пять точно, а там... как повезет.

– Найдешь ее?

Эдди вздохнул.

– Я заплачу!

– Не в деньгах дело. – Эдди указал на кресло. – Да сядь ты уже. Думать мешаешь. Тут не деньги. Другое. Я города не знаю. Людей в нем. Я могу сказать чего-то по верхам, но... там у меня были знакомые. И приятели. Я знал, куда пойти и кому задавать вопросы. Здесь же... я попробую, только как бы хуже не вышло.

– Думаешь, есть куда хуже?

– Всегда есть куда хуже.

– И что мне делать?

– Деньги. Когда их надо отдать?

– Сегодня. Из банка уже должны были доставить.

– Отлично. У тебя найдется это... ну... ливрея побольше?

– Зачем?

– Как я понял, здешние господа сами и до ветру не ходят. Так что приоденусь.

Бертрам закрыл лицо рукой.

– Ты серьезно?

– Чего?

– Боюсь, ты и вправду... Да, там, на Западе, может, кто и нанял бы в слуги подобного... уж извини.

– Головореза?

– Точно. А здесь, боюсь, сразу будет видно, что ты вовсе не слуга. Только спугнешь. Но... – Некромант хищно оскалился. – У меня есть свои способы. Так что не волнуйся. Деньги – тоже инструмент. Если они не вернут Эву, то...

Пальцы хрустнули.

– Слушай. – В голову Эдди пришла мысль. Не сказать чтобы такая уж гениальная. – А может, ты своих порасспрашаешь, из этих... великосветских? Намекнешь, мол, тяжкою

поездка была, невеста обидела, а потом и вовсе преставилась, и теперь тебе срочно нужна баба на утешение. Только такая, чтоб чистая и невинная... чего?!

– Боюсь... – Бертрам слегка покраснел, – у меня нет того количества приятелей. У меня вовсе нет приятелей.

– Это ты зря.

– Извини. Не думал, что понадобятся. Некромантов не любят, а вот...

Он замолчал.

– Чарли? – Догадаться, о чем думает Бертрам, было несложно. Следом пришла мысль, что Милли это не понравится. Милли это совершенно точно не понравится.

– Думаешь... согласится?

Эдди вздохнул:

– Он – да...

А вот сестрица вряд ли.

– Я сам ей расскажу, – тихо произнес Бертрам. – Она умная достойная женщина...

Это оно конечно так, но только когда не собирается отстрелить кому-нибудь башку.

Глава 10. О том, что рано или поздно, но утро случается

Утро.

Ненавижу утро.

Особенно когда вот так, неожиданно. Вчера я засиделась, пусть даже из чистого упрямства. Спать хотелось невероятно, но я сидела и ждала Чарли.

Сидела.

Ждала.

Ждала и сидела, но потом все-таки заснула; кажется, случилось это далеко за полночь. И вот теперь слышу, как со скрипом раздвигаются шторы, распаивается окно, впуская довольно прохладный воздух, а какая-то сволочь и вовсе сдергивает с меня одеяло.

– Чего надо? – поинтересовалась я, успев зацепиться за край.

– Скоро завтрак, – объявила хмурого вида женщина в темном платье. – Госпожа не любит, когда кто-то опаздывает к завтраку.

В животе заурчало, напомнив, что ужин тут был тоже так себе.

И я зевнула.

Отпустила одеяло и сказала:

– Тогда ладно.

В конце концов, может сегодня, на свежую голову, я и проникнусь – что этим местом, что новоявленную родней.

А Чарльз так и не появился.

Или все-таки... спросить? У кого? У этой, что смотрит на меня как на врага? И не скрывает недовольства.

Ну ничего, я тоже посмотрю.

Вот... в последнее время у меня очень хорошо получается на людей смотреть. И женщина не выдержала, отвела взгляд, а потом и вовсе словно вспомнила про неотложные дела.

– Мэри вам поможет, – сказала она, удаляясь с какой-то вовсе уж непонятной поспешностью.

Да я и сама справлюсь, но...

Дверь закрылась.

И вновь открылась, пропуская девицу того сумрачного вида, который бывает у людей, категорически жизнью недовольных. Причем в большинстве случаев их недовольство не имеет какой-то определенной причины, точнее их тысячи и со временем они имеют обыкновение лишь умножаться.

И вот теперь девица стояла поджав губы, отчего унылое ее лицо стало еще более унылым.

– Можешь идти. – Я все же зевнула, как умею, во всю ширь. Запоздало вспомнились матушкины наставления про зевание в обществе и прикрывание рта рукой. – Покажи только, куда одежду дели...

Я оглянулась.

Вчера я, конечно, осмотрелась. В спальне. И в гостиной, но так, осторожно, потому как заставлена эта гостиная множеством всяких бесполезных и еще хрупких с виду вещей.

К спальне примыкает ванная комната, что хорошо.

И еще одна, почти пустая, если не считать полок и деревянных болванов, которые в портных лавках встречаются. Правда, эти исполнены с куда большим мастерством. Но...

Так, Милли, ты, кажется, совсем голову потеряла.

– Госпожа велела выкинуть, – скрипучим голосом сообщила Мэри, причем, как мне почудилось, с огромным удовольствием.

– Что?

– Госпожа велела выкинуть, – повторила Мэри, глядя мне в глаза. Правда, недолго.

– Так... – Я почувствовала, что закипаю. – Выкинуть? Мои вещи?

– Старье.

Может, и не слишком новые, но... но это мои вещи! Какое право имеет эта женщина ими распоряжаться?

Спокойно, Милли.

Дышим глубже. И сдерживаемся. Не хватало еще сжечь тут все на нервах... но вот ведь... слов не хватает! Цензурных.

– Госпожа сказала, что это не годится даже для того, чтобы бедным отдать. – Мэри решительно подошла ко мне. – Госпожа передала вам пару платьев своей дочери. Леди Августа всегда отличалась отменным вкусом, правда, вы для них... крупноваты, но хороший корсет способен все исправить.

– На хрен, – отрезала я.

– Что? – Мэри моргнула.

– На хрен, – повторила я. Мало ли, вдруг да глуховата девица, не расслышала. – И корсет в том числе.

– Но...

– Завтрак где будет? – Я вдруг успокоилась. А и вправду вещи старые, хотя, конечно... – Нет, погоди, куда выкинули?

– Но...

– Куда? – Я постаралась говорить ласково, а еще снова поймала взгляд. – Знаешь?

– Д-да. – Девица вдруг побледнела, точнее приобрела тот серый выразительный оттенок, что свидетельствует о сильнейшем душевном потрясении.

– Чудесно. Тогда иди и принеси.

Старые или нет, но это мои вещи. И если кто их может выкинуть, то только я. А стало быть, нечего тут.

– Но... г-госпожа...

– Тогда отведи меня, – предложила я, чувствуя, как кипит внутри Сила. И главное, она просто есть, не рвется наружу диким пламенем. – Это ты можешь?

Могла.

Мы шли. Поникшая, вздрагивающая от любого шороха девица и я. Я не вздрагивала, но крутила головой, пытаюсь понять, насколько мне здесь нравится.

То есть... понять я уже поняла. Ни насколько.

Но сам дом неплох.

Большой. Теплый.

Живой.

И ничего не разваливается, не скрипит, не вздыхает. Обои ярко-зеленые, небось по последней моде, да еще и в золотую полосочку. Сияют позолотой тяжелые рамы. Поблескивает влажно паркет, натертый до того, что еще немного, и отражение увидишь.

Статуи стоят в нишах.

Или вон вазы с цветами.

Мэри свернула куда-то вбок, ну а я за ней, чтобы оказаться на узкой темной лесенке, явно предназначенной для слуг. И еще ниже. Запахло свежим хлебом, мясом и еще чем-то непонятным, но определенно вкусным. Мой рот наполнился слюной, я даже повернулась туда, откуда доносились запахи, но Мэри опять свернула и остановилась перед дверью.

– Там, – дрогнувшим голосом сказала она. – Все... там.

И правда, там.

Моя дорожная сумка, прошедшая пустыню и пропахшая ею. Потертая, исцарапанная, но такая родная, что обнять захотелось. Ее я вытащила первой.

А вот платье... может, не самое роскошное, но его шила матушка.

Вчера я... да, перенервничала, что уж тут. Слишком все... не такое. И понимаю, как чувствовал себя Чарли на Западе. Хреново. Вот прям как я на Востоке.

Я вытянула сумку и прижала к себе.

– Что стоишь? Собирай. Назад понесем.

– Но...

– Собирай, – рывкнула я, и почему-то Мэри присела, а потом с небывалой поспешностью принялась запихивать выпавшие вещи в сумку. Другую. Ту, что матушка собирала.

А ведь она говорила что-то такое... про моду.

Гардероб.

Плевать. Хотя...

Я прищурилась. Кажется, я совершенно точно знаю, что надеть к завтраку. Где там мои родные брюки?

Голова болела. Вот адски болела. Как только может болеть голова после бессонной ночи и выпитого. Пил, правда, Чарльз аккуратно, немного, да и амulet... значит, было еще что-то.

Он застонал.

И взялся за голову руками. Мысли там крутились дерьмовые. Нельзя было соглашаться.

В конце концов, есть же полиция.

Вот только ни хрена она, эта полиция, не сделает, а то и вправду... если верить Эдди. Эдди надо верить, но... как-то оно неожиданно вышло.

Его перехватили у дворца.

Слуга. Короткая записка. Поездка. Разговор. Такой вот разговор, из которого выходило, что он, Чарльз, просто-напросто не может не помочь. Другу.

Да.

И Эдди. Эдди вот точно знал, что ничего хорошего из нынешней затеи не выйдет, но головой качал и глядел с укоризной. Мол, твою сестру нашли, так чего уж тут?

Вот и...

Записка, отправленная Милисенте.

Клуб, в котором Чарльз показывался редко, но числился, ибо человеку его положения никак невозможно не состоять в клубе. Хоть в каком-нибудь. А этот... старый, достойный, с репутацией.

Дерьмо.

Он повернул голову, убеждаясь, что за окном светло. Выходит, вчера все-таки перебрал. Виски? Нет, Чарльз точно помнил, что пил он мало. Привычка. Сила... Сила колыхнулась внутри тяжелым мутным болотом.

Не в выпивке дело.

А...

Мага не стали бы спаивать. Основа основ. Но Милисента... проклятье! Она ведь ждет. Ждала. Наверняка ждала, несмотря на записку. Не дождалась и... что подумала?

Хрень.

Все хрень... Чарльз со стоном перевернулся на живот. Благо рядом с кроватью поставили серебряный таз, в который Чарльза и вывернуло. Судя по тому, что большей частью желудочным соком, он не просто пил мало, он почти ничего и не ел.

Он дотянулся до колокольчика.

И слуга возник тотчас.

– С пробуждением, господин, – сказали Чарльзу вежливым равнодушным тоном. – Ванна? Завтрак?

– И одежда. – На собственной виднелись преподозрительные пятна. – Что вчера было?

– Вы изволили рассказать о своих приключениях. Члены клуба решили, что это стоит отпраздновать.

Подробности? Это не у обслуги узнавать надо. Здешняя отличается похвальной молчаливостью и полным отсутствием любопытства.

– П-понятно. – Чарльз с трудом, но поднялся. До ванной комнаты он доковылял.

Все-таки чем он вчера... Память похожа на лоскуты. Вот он поднимается по лестнице, и молчаливый швейцар, поклонившись, открывает тяжелую дверь.

Внутри пахнет дымом.

Виски.

Еще чем-то... запах сладковатый, смутно знакомый. Опиум? Нет, быть того не может. Все-таки среди членов клуба огромное количество магов, а они не стали бы травить себя.

Или стали бы?

Если то, что рассказал Эдди, правда... а оно не может быть правдой. Или может? Чарльз уже ни в чем не был уверен. Он залез в ванну и закрыл глаза. И лежал так несколько минут, пытаясь сообразить, что же сказать жене и маменьке.

Надо возвращаться.

И выбраться из ванны. Из клуба тоже... только сперва привести себя в порядок, благо здесь это несложно. Боль постепенно отступила, а с нею и слабость, сменившись каким-то диким, неестественным чувством голода.

Завтракать Чарльз решил внизу, в малой гостиной.

– О, доброго утра, Чарли! Вижу, ты уже пришел в себя... – Эдвин поднялся навстречу.

Виконт.

Наследник. Его отец... кто-то там важный, почему-то даже с легкой головой не получалось сосредоточиться. Главное, что Эдвин всегда был душой компании, что в университете, что на службе.

Или в клубе.

Он, к слову, и выглядел, в отличие от Чарльза, прилично. Даже слишком.

– Что это было? – Чарльз слегка поморщился, будто от боли. – Я ведь не пил много.

– А много и не надо. – Эдвин улыбнулся шире. Еще немного, и щеки треснут. – «Слезы сиу» – редкая штука.

Что за...

Чарльз глянул вопросительно.

– Да уж, ты весьма долго отсутствовал... хотя и прежде к нам не слишком часто заглядывал. Садись. Голоден? Помнится, я в первый раз после пробуждения ел и ел, ел и ел. Думал, никогда не наемся.

От него пахло свежестью и хорошей туалетной водой.

Утренний костюм светлых оттенков выглядел безупречно, как и сам Эдвин.

– И все-таки. – Чарльз присел и махнул рукой. – Что за дрянь?

– Ну отчего же сразу дрянь. Сам знаешь нашу проблему. – Эдвин чуть тронул рукав, и алмазные запонки блеснули. – Сила. Постоянный контроль. Многие от этого с ума сходят. Поневоле начинаешь собственным конюхам завидовать, которые могут просто взять и нажраться.

Подали завтрак.

Яичница. Бекон. Много яичницы и целая гора бекона.

– «Слезы сиу» временно блокируют магию, а заодно уж и повышают восприимчивость организма.

– К чему?

– В основном к алкоголю. Мы как-то проводили эксперимент. Обычному человеку хватит рюмки, чтобы напиться в хлам. Нам же требуется немного больше, но тоже все зависит от концентрации. В результате получается хорошо.

– Хорошо? – Чарльз сглотнул слюну, которая, казалось, еще немного, и потечет на тарелку.

– Конечно. И отдохнуть можно, и не навредишь никому. Многим нравится.

– Не мне.

– Это мы уже поняли.

– Что было вчера?

– Вчера... скажем так, ты был весьма откровенен.

Еще чего не хватало. Чарльз мрачно уставился на Эдвина. Издевается. Вежливо. В рамках добрых отношений. И улыбка такая, глубоко сочувствующая, отчего сразу захотелось в морду дать.

Потом.

Сейчас нельзя. Из клуба исключат. А если где дерьмо и имеется... точно имеется. Стало быть, «Слезы сиу». Надо будет поинтересоваться, знают ли об этом при дворе. Должны бы... или нет?

Голова все еще гудит, что колокол.

– Мы выразили сочувствие.

– В связи с чем? – поинтересовался Чарльз. И получил еще одну усмешку, чуть более наглую.

– В связи со скоростной женитьбой, само собой. Многие, признаться, были удивлены. Ты – и вдруг женился... и на ком, спрашивается?

А вот это уже настоящий интерес. И по спине бегут мурашки. Что он сказал? Вчера? Проклятье... надо менталиста искать, только где... и такого, чтобы лишнего не разболтал.

Кажется, подозрительность Эдди заразна.

– На женщине...

– Понятно, что не на мужчине. Но откуда она взялась?

– Познакомились. – Чарльз все-таки начал есть, стараясь сдерживаться. Черт побери, да он никогда такого голода не ощущал, и это тоже совершенно ненормально. – Я нанял ее брата... сам знаешь мою ситуацию. Искал сестру.

– Нашел?

– Да.

– И не только ее. Отец мне кое-что рассказывал.

Отец. Точно. Герцог Дархард, младшая ветвь императорского дома. Близкое родство. Высокое положение. Достаточно высокое, чтобы...

– И выходит, что именно тебя мы должны благодарить за... все, – произнес Эдвин на редкость двусмысленно.

– Я и без благодарности обойдусь.

Что им известно? И как можно было вообще забыть... обо всем. И о том, кто отец Эдвина? А ведь Чарльз действительно забыл. Так, что он знает о Дархардах? Немногое. И это тоже до крайности странно, будто память отказывается удерживать информацию.

Такое возможно?

Вполне, если...

– Менталист. – Чарльз воткнул вилку в полоску прожаренного бекона. Готовили в клубе отменно – настолько, что поговаривали, будто многие и числятся-то в нем, исключительно чтобы доступ к местной кухне не утратить. – Ты?

Эдвин молча поднял руки.

– Сдаюсь! А ты поумнел. Правда, не настолько, чтобы не тянуть в рот всякую пакость. Он щелкнул пальцами, создавая зыбкий поллог.

Позер.

Можно было и так, без жестов.

– Память вернуть?

И взгляд холодный, просто вымораживающий взгляд. Но получилось выдержать. И Эдвин скривился:

– Сильнее стал. Поездка определенно пошла тебе на пользу. Так что насчет памяти? Я тебе ее возвращаю, а ты мне рассказываешь, чего ради затеял это представление.

– К-какое? – Кусок встал поперек горла.

– Еще утром ты отказался от награды... а ведь многое мог попросить. Даже ставки делали. Но нет, тебе не нужны ни деньги, ни концессии, ни земли. Ты лишь просишь признать твой брак с некой девицей сомнительного происхождения. А уже спустя пару часов плачешься, что женили тебя едва ли не силой. Как-то... не складывается одно с другим.

– Вот такая я легкомысленная тварь.

– Ты? – Эдвин усмехнулся. – Будь на твоём месте Болдуин или Коллин, я бы еще поверил. Но ты помешан на чести даже больше, чем мой папенька. Нет, тут что-то другое.

– И тебе интересно, что?

– Именно. А теперь...

Прикосновение было холодным.

– Извини, вмешаться я не мог. Это выглядело бы подозрительно. Но кое-что все же сделал.

Холод проникал в голову.

– Что?

– Постарайся расслабиться.

– Это сложно, когда тебе лезут в голову.

– Залезть кому-то в голову не так и просто, особенно если она настолько пуста, – не удержался Эдвин. – Я лишь слегка подтолкнул тебя... ко сну.

И паузы он ставит так, играя.

– Просто чтобы не наговорил лишнего.

Прояснялось. Вот... да, вечер. Не сказать, чтобы людей много, но и пустым клуб остается редко.

Болдуин курит сигары и что-то там рассказывает, оживленно размахивая рукой. Коллин в картах. А вот человек, с которым он играет, Чарльзу не знаком.

Томми, седьмой виконт Дарремский, приветливо машет рукой.

– Только гляньте, кто вернулся! Чарльз, ты загорел, как... не знаю кто!

Свист.

И топот.

– По-моему, это повод! – кричит кто-то смутно знакомый, его Чарльз точно встречал, но не запомнил – стало быть, человек не такой уж важный.

Рассказ.

Его слушали, время от времени перебивая вопросами. А он говорил. О пустыне. И заброшенном городе, в существование которого, кажется, не слишком поверили. О дороге. Мертвечах.

И городе другом, вполне живом.

Обо всем и понемногу, этак весело, язвительно порой, как принято рассказывать в клубах, чтобы, не приведи Господи, не решили, будто путешествие вышло тяжелым. Кто хочет слушать о тяготах? Не здесь. Не сейчас.

Выпивка.

И чей-то вопрос о женитьбе. Укол совести. Но надо... надо играть. Вздох. Разговор. Чем дальше, тем... Поднесли выпить. Байни.

Вечно беспокойный бестолковый Байни.

– Попробуй, тебя давненько не было. Особый рецепт. – И подмигнул. А Чарльз, идиот этакий, выпил. И теперь, вспомнив, вновь ощутил горечь на языке. Неумеющие губы. Легкую растерянность, сменившуюся странной неестественной радостью.

И желанием поделиться.

– Проклятье! – не удержался Чарльз.

А Эдвин кивнул.

– Та еще дрянь. К сожалению, пока непонятно, откуда она берется.

– Байни нарочно это устроил?

– Просто идиот, которого используют втемную. – Эдвин вернулся на место.

– Много я наболтал?

Дальнейшие воспоминания обволакивал туман. Все перемешано, странно, бессмысленно. Он, кажется, о чем-то говорил, спешно так, и язык заплетался, потому речь выходила путаной. Но пил не только Чарльз. Остальные не лучше. Его перебивали. И смеялись.

И он смеялся.

А потом отключился.

К счастью. Потому что по воспоминаниям его просто-напросто распирало от желания поделиться. Чем? Да всем.

– Спасибо, – выдавил Чарльз, сдерживая тошноту.

Есть перехотелось.

Или нет.

– Не за что. Итак, все-таки: что на самом деле привело тебя сюда?

Глава 11. О том, что порой весьма полезно подглядывать

Время.

Не то чтобы его раньше у Эвы не было. Наверное, было, но... не так. Не то.

Раннее пробуждение.

Умывание.

И подготовка к завтраку. Теперь все это казалось таким нелепым. Платье для завтрака? Прическа? Сама столовая, в которую следовало спуститься до того, как истает последний удар огромного колокола. Маменька его тихо ненавидела, но отец отказывался убрать.

Колокол не был реликвией. Просто памятью. О чем?

Здесь завтрак приносили. Открывалась дверь, и появлялась Кэти с очередным подносом. Она же забирала ведро, а потом, позже, возвращалась за посудой.

Ножа не давали.

Как и вилки. И даже ложка была старой, вырезанной из дерева. Эва таких никогда и не видела. Но пользоваться научилась быстро. Мелькнула, конечно, мысль гордо отказать, потребовать, чтобы перевели ее в лучшие условия, чтобы... но Эва ее отбросила.

Уж очень нехорошо смотрела Кэти. Так, будто ждала подвоха.

Дома за столом полагалось беседовать. О чем? О погоде. О книгах еще, но тоже не всяких. О соседях, если осторожно. О том, как украсить дом к... к чему-нибудь.

Этот же, в котором оказалась Эва, если когда-то и украшали, то очень и очень давно.

Время тянулось.

И тянулось.

Дома, после завтрака, следовала прогулка. Потом – занятия музыкой. Или живописью. Или сначала музыкой, а потом живописью, хотя ни с тем, ни с другим у Эвы особо не ладилось.

Визиты.

Или гости.

Обед.

Снова прогулка, возможно, что и верховая, но это если не сразу после обеда и найдется с кем. Рукоделие. И те же разговоры. Когда-то они сводили с ума, а теперь Эва все отдала бы, только чтобы услышать хоть кого-то, кроме Кэти.

– Здесь есть книги? – как-то осмелилась спросить она.

– Чего? – Кэти сама больше не заговаривала, да и держалась стороной, с недоверием.

– Книги, – повторила Эва. – Какие-нибудь.

– На кой?

– Читать. Или рукоделие.

– Шить, что ли?

– Шить. Вышивать. Вязать еще могу. И расписывать. Шкатулки.

Кэти хмыкнула и ушла, заперев дверь. Холодно... нет, ей принесли нормальный матрас, во всяком случае такой, от которого не пахло плесенью. И одеяло.

Деревянный гребень.

Воду для умывания. И для питья тоже. Пожалуй, можно было сказать, что о ней заботились. И не случись Эве... увидеть, она, может, даже поверила бы в эту заботу.

Она забралась под одеяло и закрыла глаза.

Ее ищут?

Или все-таки... Нет, она видела. Берти ее не бросит. Просто... просто она совсем потерялась. Здесь. И во времени тоже. А еще, кажется, в еду что-то постоянно подсыпали, потому что Эва проваливалась в сон.

Она и сейчас покорно закрыла глаза.

И привычно отмахнулась от видения, которое манило. Сад. Качели. Тори. Нельзя с ней заговаривать. Если не заговаривать, она не найдет.

И... из лабиринта зеленого Эва сегодня легко выбралась. В первый раз она, помнится, долго бродила, прячась от сестры.

А сейчас...

Усилием воли Эва сдвинула зеленую стену и вышла в коридор. Все верно, она его видела. Дом. И лестница. Человек, придремавший у подножия ее. Пьян? Похоже на то.

Пускай.

Наверх. За Кэти, которая поднимается с тяжелым подносом и ворчит под нос что-то явно недоброе. Доброты здесь определенно не хватает.

А вот и знакомая дверь. Эва просочилась сквозь нее, радуясь, что за последние дни она неплохо научилась управлять своим даром.

Комната.

Темная. Очень темная. Плотные шторы сомкнуты, и на столике под стеклянной крышкой тлеет фитилек. Свет из коридора лежал прямоугольным ковром, а Кэти словно сама превратилась в тень.

– Матушка? – робко окликнула она. – Матушка, тут совсем темно. Я ничегошеньки не вижу. Сейчас, сейчас...

Поднос отправился на столик, а сама Кэти подошла к окну. Вооружившись длинной палкой с крюком, раздвинула шторы. За окном сумрак – значит, уже вечер или даже ночь. Но там, со стороны города, ее разбавляет желтушный свет фонарей.

Его достаточно, чтобы разглядеть обстановку.

Огромную кровать с балдахином.

Трюмо.

Туалетный столик. И сундуки вдоль стен. Кровать выделялась белым пятном, но лежащая на ней женщина почти терялась среди простыней. Надо же... неужели такие болеют?

– Как вы, Матушка? – с притворной заботой осведомилась Кэти. И женщина приоткрыла глаза. Как же она... страшна.

Больную хозяйку словно окутывал какой-то туман.

И Эва поняла, откуда он взялся. Брат... значит, он не поверил им?

– Этот... урод... что сказал?

– Что вас прокляли, Матушка. – Кэти приподняла подушки. – Темное проклятье. Так просто не снять. Это все из-за девки...

– Верни ее.

– Что?

– Верни. Напиши... тому... Надо было сразу узнать... понять... А все самоуверенность, Кэти. Самоуверенность... Решила, что я... – Она закашлялась и прикрыла рот механической рукой, которая выглядела одновременно и отвратительной, и притягательной. Шевелились потемневшие пальцы, подергивались, и в тончайших патрубках переливалась жемчужная жидкость. – Что я... самая умная. Не совершай... таких... напиши. Пусть приходит. Забирает. Девчонка цела. Я... заплачу. Сколько скажет, столько заплачу.

Сердце замерло.

Неужели все-таки...

– Покушайте, Матушка. – Кэти взяла миску. – Вы поправитесь.

Она зачерпнула вязкой каши и попыталась сунуть ее больной в рот, но женщина взмахнула железной рукой и ударила по миске, вышибла. Та полетела с грохотом, размазывая кашу по простыням, по одеялу. Попало и на юбки Кэти.

– Глупая девка! – Голос мамашки сорвался на визг. – Я умру! Умру! Это некромант! Жалко ее не было. Вот нисколько.

Разве что самую малость. А рука меж тем вцепилась в юбки Кэти.

– Пошли... кого... позови... Грая. Я сама скажу.

– Нет, Матушка. – Кэти высвободила юбки. Поднялась.

Взяла подушку, одну из тех, что валялись подле кровати, и, вздохнув, накрыла этой подушкой лицо женщины. Та дернулась было, но Кэти навалилась сверху.

Эва закричала.

От ужаса.

И беспомощности. Громко. Так громко, как только можно. И получалось с каждым разом все лучше... и показалось, что еще немного, и крик ее разобьет стену между мирами, но снова ничего не произошло.

– От так-то. – Кэти убрала подушку и аккуратно сунула ее под голову Матушки. Пощупала зачем-то шею. Хмыкнула. – Тоже мне... придумала.

Она подняла миску.

– Послать... так-то оно так... девку приберут, а нас? Или думала, пожалеют? Некроманты – оне да... жалостливые. Может, ты-то и откупились бы, а я? Сдала бы на каторгу, потому как виновный надобен. Нет, нет... не для того я столько лет корячилась, чтобы теперь от.

Ее бормотание было едва различимо.

– Сама сказывала, что, мол, час придет, тогда-то тебя и сменю... вот и пришел. Чего уж тут. – Она отерла руки о платье, подошла к двери и крикнула: – Грай! Грай, ходь сюда!

Минуты не прошло, как в комнате появился высокий ужасающего вида человек.

– От. Померла, – сказала Кэти, пальцем ткнув в кровать. – Я ничегошеньки не успела сделать...

Грай поглядел на нее. И Эва ужаснулась, до того пустыми, серыми были его глаза. Она бы закричала снова, но сил на крик не осталось совершенно.

Грай медленно поднял руку.

– Ты чего?! – Кэти попяtilась.

– Ты?

– Я? Да ты что... видишь, хворала она. Целитель был?

Грай кивнул, не сводя с Кэти взгляда.

– Слышал, небось, чего сказывал? Прокляли ее. Некроманты.

На уродливом лице мелькнула тень сомнения.

– С денег это все, – уверенно произнесла Кэти. – С тех, что принесли. Ты-то их не трогал?

Грай покачал головой.

– Вот. И я. А она считать взялась. Небось, с того проклятье и перескокнуло.

– Плохо.

– А то... Займешься? Надобно ее как-то... Только не прикасайся сам, добре? Ты мне еще нужен.

– Я?

– А то. – Кэти уперла руки в бока. – Или, думаешь, кого другого искать? Ты ведь дело знаешь.

– Дело...

– Перестань. Ты не такой тупой, каким прикидываешься, – отмахнулась Кэти. – Небось, тупых она при себе не держала. А ты уж который год? Ну, не хмурься.

Она осторожно, нежно даже погладила это чудовище по плечу.

– Я знаю... она же мне все сказывала. И про балаган, в котором тебя держали. И про циркачку ту... и про иное. Но я не стану, Грай. Не стану, как она, понимаешь? – Встав на цыпочки – а даже так Кэти не доставала этому человеку до плеча, – она заглянула в серые мертвые глаза. – Я знаю, где лежат твои перчатки. И остальное.

Тяжелая лапа сдавила ее шею.

– Прекрати! Я же могла и не говорить! Отдам! Вот сейчас отдам... только останься. Со мной.

Грай чуть склонил голову.

– Матушка... она ведь серьезные дела вела. И те, кто с ней... для кого она... им все одно понадобится... понимаешь? Девки понадобятся. И не только девки. Ты-то, знаю, по рыжью да прочему больше, но девки... их тоже держать надо. Легкие деньги.

Грай не спешил отпускать Кэти. Но и руку не сжимал.

Просто глядел.

– Заживем... она-то нам сушие медяки давала, а требовала... но теперь-то... попробуй. Приглашения разосланы. Я знаю, как все устроить. Товар тоже на месте. Проведем торги... спорим, что из этих, благородных, никто и не заметит разницы?

– Да?

– Конечно. Им-то что? Им плевать, кто дела ведет. Главное, чтоб тихо... за тишину и платят. А я... я знаю, кому мамашка сама платила. И продолжу. И всех это устроит. Только я ведь женщина, Грай. Слабая. Найдутся те, кто захочет потеснить. Но тебя не рискнут тронуть. Никто.

Она потянулась вперед.

– Останься со мной. Не служить. А по-честному... будем вместе. Станешь получать. И... и человеком сделаешься. Солидным. У мамашки дом имеется. Теперь он мой. Все мое. Я видела бумаги... потом, как устанем, поедем туда. На побережье. И заживем. Хорошо заживем. Как честные люди.

Ее горячечный шепот заполнял комнату. И Эва... Эве стало стыдно.

– Хорошо. – Грай руку убрал и поглядел на покойницу. – Сегодня отдашь. Перчатки. Убери тут.

– Нет, – Кэти покачала головой. – Надо кого позвать... из тех, кто опиум курит... кто там в долгах? Вот они пусть и приберут тело. Завернут в простыни эти. И деньги... Я покажу, где лежат. Им отдашь. Не знаю, сохранится на них проклятие или нет...

Сохранится.

Подобные проклятия так просто не снять. Но... разве Эву услышат? Нет. И хорошо, что нет.

– Пусть забирают. А то и вовсе... утопить.

Грай нахмурился:

– Много.

– Знаю. Самой тошно. Но ничего. За девку больше выручим.

– Красивая.

Сомнительного свойства комплимент в данных обстоятельствах.

– Она? – Кэти фыркнула. – Я лучше была... но погляди, что сделали.

И провела пальцем по изуродованной щеке.

– Ничего... тощая она. Слабая. Долго не протянет. Особенно... приедет один тут, который... В общем, два дня у нас. И готовиться надо. Хорошо. Да, пришли заодно из девок кого, пусть наверху попорядкуют. И залу помыть надо, которая для торгов. А то ж благородные господа порядку любят.

Это она произнесла презрительно скривившись.

– А порядок поддерживать надо... надо... мы ведь приличное заведение. Да, да...

Грай хмыкнул и отступил. А Кэти подошла к кровати, на которой лежала покойная. И наклонилась к ней. Близко. Но не настолько близко, чтобы коснуться.

– Видишь? Я и без тебя справляюсь! И справлюсь! Будь уверена. А ты сдохла! Сдохла-сдохла...

Кэти хихикнула.

– Как я ждала... как я... думаешь, я забыла? Все-все? Благодетельница... забыла, как ты меня украла? Из дома, да-да... моего дома... у меня был хороший дом. И своя кровать. А ты украла. Тварь! И продала! Тому уроду... Ничего, я их найду. А ты врала, что меня родители отдали. Что я стала им не нужна. Я верила. Я же была ребенком и верила! Капризная, мол. И обхожуся дорого. Платья мне нужны. Ленты. Вот и отдали. Скольким ты еще это говорила? Тварь!

Крик ее разбился о стены.

– А ты... ты продала... велела служить. Стараться. Чтобы не попасть в приют. Лучше бы я... но я верила! Тварь, тварь... какая же... знаешь, что он со мной делал? Хотя... конечно, знаешь. Ты все знаешь. А потом я ему надоела, и меня продали дальше... и дальше... пока я снова не оказалась у тебя. «Белая ласточка».

– Белая ласточка, – тихо повторила Эва, и Кэти, странное дело, вздрогнула.

Обернулась.

– Нет. Никого нет. Пусто. Пусто-пусто... У-у, тварь! Какая же ты тварь... Пожалела бедную шлюху, как же! Надолго хватило бы твоей жалости, если бы ты не старела? Сама ничего не могла, вот и понадобился кто с руками и без совести. Спасла. Ты мне так и говорила... спасла. Сперва, вона, убила, потом спасла... добрая, как же... тебя все ненавидели! Все! Слышишь, ты?!

Покойная лежала. Пятна на коже ее разрастались, и очень скоро эта кожа начнет отваливаться слоями. Странно, что прочие не испугались.

– А я буду жить. В твоём доме! Понимаешь? И спать на твоей кровати... Хотя... – Кэти обошла эту кровать стороной. – Нет, пускай ее спялят. Я не такая глупая. Да.

Она опять захихикала.

И Эве подумалось, что эта женщина определенно сошла с ума. Сейчас ли это случилось, раньше ли, но случилось.

Однако что делать Эве?

Два дня... у нее осталось всего два дня.

Но что она может?

Со скрипом приотворилась дверь, и в комнате показались люди. До того грязные и страшные, что Эва отшатнулась, когда один из вошедших оказался рядом.

– Явились? – Кэти мигом перестала хихикать. – Заверните ее в простыню. И в одеяло.

– Так... может... того. – Человек согнулся. – Матушка... может, мы одеяло-то...

– Делайте что хотите, но здесь не должно остаться ни простыней, ни одеяла.

Эва закрыла глаза.

Здесь больше делать нечего, но... но если вдруг... Она представила себе дом. И шагнула на серые ступени, знакомые до каждой выбоины. А потом прошла сквозь дверь.

Теперь двигаться стало легче.

Мама...

– Это невыносимо... а если кто узнает?

– Какая разница? – Берти выглядел еще более бледным и худым, чем прежде. А вот отец был молчалив. Он просто стоял, вперившись взглядом в стену. – Главное, чтобы она вернулась, но... мы пытаемся.

– Знаю, сын, – отец заговорил. – Плохо, что сразу не сказали.

– Надеялся...

– Что проклятье подействует и они испугаются? – Отец кивнул. – Шанс был, но проблема в том, что они могли испугаться слишком сильно.

– Что?! – Маменька схватилась за сердце.

– Она жива. Пока еще. Ее дух молчит.

Дух кричал и топал, но...

– Его нет среди мертвых.

Чудесно! Для того, чтобы собственные родители тебя услышали, нужно умереть! Эва раздраженно фыркнула. А может... нет, умереть она всегда успеет. И тогда уж расскажет все, а отец... он это место с землей сравнивает. Но ведь Эва от этого не оживет!

– Тот твой друг...

– Он пытается выйти на кого-то, но пока не получается. Он здесь чужак. Чарльз вот пытается получить приглашение. Узнал, что точно есть закрытый клуб, для узкого круга, но ничего конкретного. Он намекнул, что готов хорошо заплатить за рекомендации. И почти уверен, что получит их. И приглашение...

– Но тоже нет гарантий, что именно в тот клуб, который нужен.

– Думаешь...

Отец поглядел с печалью:

– Знаю. И в мое время ходили подобные слухи. Да и... не все скрывали свои пристрастия. Правда, после одного весьма печального происшествия император обратил свой взор на клубы. И те вынуждены были объявить о закрытии. Хотя полагаю, что это все для виду, да...

– Отец...

– Я встречаюсь с одним человеком. Он кое-чем обязан. Попытаюсь донести до него, что не стоит ссориться с некромантами.

Это прозвучало так, что у Эвы холодок по спине пошел.

– Господи. – Маменька, впрочем, словно и не заметила. – А если уже поздно?! Если моя девочка...

– Она жива. Стало быть, не поздно.

В библиотеку осторожно заглянул лакей.

– Вас... спрашивают. – Вот он Силу отца чувствовал, но сдерживался, стараясь не выказывать страха. Получалось, правда, не слишком хорошо.

– Поди, опять этот твой ужасный знакомый... я слышала, он теперь родня Диксонам? – Маменька несколько оживилась. – Ужасно. Добрая Пенелопа, должно быть, просто в шоке. У нее были такие планы!

Она осеклась под мрачным взглядом отца.

И встала.

– Извините, мне, кажется, снова дурно... и если вдруг...

– Конечно, мама. Вызвать целителя?

– Нет, я просто... просто отдохну.

Она ушла. А отец с Бертом переглянулись.

– Твоя мать – чудесная женщина, – сказал отец мягко. – И любит что тебя, что сестер. Просто не всегда умеет сказать об этом.

Берт чуть склонил голову.

Любит?

Она... она ведь всегда недовольна! Тем, как Эва ходит. И стоит. И сидит. Как рисует или как играет... у сестры не хватало гибкости в пальцах, акварели же отличались излишней мрачностью. Эва громко разговаривает.

И не умеет находить правильные темы.

Она смеется. И улыбается слишком уж простонародно. Правда, как это, маменька не объясняет. Но всегда находит к чему придаться... И любит?

Разве, когда любишь, оно вот так?

– Твой друг. – Отец тоже поднялся. – Возможно, я могу дать ему рекомендации...

– Ты?

– Некромантия – такая вещь, дорогой, что поневоле обзаводишься самыми разными связями.

– А...

– Я задал вопрос своим знакомым. И они приняли мою беду очень близко к сердцу. Но тот мир весьма сложен, разнообразен и... будь у нас время, мы бы справились.

Но времени нет!

Почти не осталось времени! У нее!

– Ты не пробовал отследить проклятье?

– Пробовал, конечно. – Берт поморщился. – И не только его ставил, но... след оборвался, стоило пересечь реку.

– Что ж, следовало ожидать.

– Следовало?

– Говорю же, тот мир весьма... разнообразен. И в нем хватает своих специалистов. Ну да представь меня своему другу. Он и вправду столь ужасен?

Глава 12, в которой речь идет о дорогих родственниках и глубокой к ним любви

Ужасен!

Настолько ужасен, что Эва застыла от этого ужаса. Разве... разве люди могут быть такими вот?! Огромными?! Невообразимо огромными! Жуткими!

С сероватой, будто припыленной, кожей!

С грубыми чертами лица, причем явно нечеловеческого! Встреться Эва с ним где-нибудь в гостиной... Хотя, конечно, кто пустит подобное в гостиную приличного дома? Но если вдруг – она бы обязательно упала в обморок.

Быть может, даже по-настоящему.

А теперь вот...

Она моргнула. И еще раз. Да, огромный. И широкий. И при том двигается мягко, текуче, будто в теле его чудовищном нет ни костей, ни весу.

И взгляд его...

Взгляд скользнул по кабинету, и гость прищурился.

Дрогнули ноздри огромного, слегка приплюснутого носа. А когда Берт открыл было рот, чтобы сказать что-то, наверняка вежливое, этот человек просто поднял свою лапищу и прогудел:

– Тихо!

И Берт подчинился!

Он никогда... даже отцу. Чтобы вот так и без слов. А тут замер. И... и еще Эва вдруг поняла, что ее... видят? Слышат?

– Я здесь! – От радости она подпрыгнула. – Здесь! Здесь!

– Скажи... – Голос у чудовища оказался неожиданно приятным. Или это оттого, что он и вправду видел Эву? Вот как-то даже симпатичнее стал. Немного. – Твоя сестра, она такая вот... мелкая? И лохматая?

Сам он мелкий!

То есть рост у Эвы – единственное, что можно назвать достоинством, если маменьке верить. Он самый удачный. Небольшой. Еще бы изящества... А вот относительно лохматости Эва не виновата, что у нее только один гребень, да и тот с обломанными зубьями. И занозистый! Волосы так и цепляет.

– Волос беленький. Светленький, – поправилось чудовище, чуть склонив голову.

– Она...

– Я не чувствую изменений некротического фона, – подал голос отец.

– Само собой, она же живая.

– Погоди...

– Так. – Чудовище вдруг нахмурилось и уставилось на Эву. Под взглядом его стало неуютно-неуютно. – Вы... идите. Сила ваша мешает.

Оно поморщилось.

– Эдди? – недоуменно уставился на него брат.

Стало быть, у него и имя есть. Правда, не сказать, чтобы оно подходит. Эдди – это Эдвард? Эдвин?

– Иди. Потом. – Гость указал на дверь. – Свечи есть? Восковые? Пусть принесут. Воды. Молока. Свежего.

Эве даже интересно стало.

Он... ладно, допустим, он ее увидел, но... дальше-то что? Видеть одно. А слышать? Если он только видит, то... то ей писать придется? Представить перо и тетрадь? Или лучше мел и доску? А он читать умеет? Вдруг не умеет? Тогда надо будет... знаками?

Как ему знаками рассказать все?

– Связь слабая больно, – пояснил Эдди и опять поморщился. – Я все-таки не совсем чтобы шаман.

Еще и шаман?

Эва читала книгу. Про шамана. Дикого, но очень и очень благородного. В душе. И потому, когда его племя захватило в плен прекрасную графиню, чтобы принести в жертву жутким орочьим богам, он воспротивился.

И спас.

И еще помог воссоединиться прекрасной графине с ее возлюбленным, к которому та, собственно, и направлялась. Да... Эва тогда даже плакала над финалом, в котором шаман ушел в горы, чтобы не мешать влюбленным.

Ее очень огорчила такая концовка.

Хотя, конечно, правильно. Что общего у графини с дикарем, пусть и благородным?

Отец вышел из комнаты.

И брат.

Лоуренс тем временем принес две дюжины тонких восковых свечей, глубокую фарфоровую супницу из маменькиного любимого сервиза, молоко, воду и еще что-то.

Эве стало до ужаса любопытно.

В книге шаман колдовал, вознося руки к небесам, и еще потом в припадке бился. Ну или кости раскидывал. Человеческие. Но это тоже не со зла, да и кости принадлежали врагам племени... в общем, это все выдумка.

Эдди же снял котелок. Поставил на пол.

Провел ладонями по голове.

По лицу.

Коснулся пальцами воды.

Может, он спиритический сеанс устроить собирается? Но тогда свечи ладно, они нужны, а где блюдце? И еще, самое главное, спиритический столик? Или у шаманов это иначе происходит?

Эва всегда отличалась нездоровым любопытством.

И...

– Слышишь меня? – поинтересовался шаман, расставляя свечи. Прямо на столе. Он же так полировку попортит!

Но Эва кивнула.

– Хорошо. Ты знаешь, где находишься?

Какой нелепый вопрос! Конечно. Но она снова кивнула. Может, человек – ладно, не совсем человек – только-только в цивилизацию приехал. Тогда простительно.

– Отлично. – Он по очереди касался свеч, и те загорались, только огонь получался будто... настоящим? Или настоящим? Эва потянулась к нему, но руку одернула, ощутив жар.

– Не спеши, девонька, – с мягким упреком произнес шаман. – Тут уж больно все... намешано. Тяжко. И дом мертвой силой пропитался. И город этот ваш...

Эва вздохнула сочувственно.

Она тоже город не слишком любила. В нем сразу начинала болеть голова, а маменькины нравоучения делались вовсе невыносимыми.

– Маги кругом. Техника. Голова гудит. Но ничего. Сейчас.

Вода в фарфоровой супнице загустела, и Эва увидела в ней свое отражение.

– Ты не заблудилась?

Отражение было таким... в общем, хорошо, что маменька не видит. Пришла бы в ужас. Конечно, зеркала Эве не давали, но неужели она на самом деле так выглядит? Кожа побледнела, что, конечно, хорошо, но при этом сделалась какой-то сероватой.

И пористой.

И в глазах нездоровая желтизна.

– Слышишь?

– Слышу, слышу, – не удержалась она и тотчас укорила себя. Все же характер у нее совершенно невозможный. – Прошу простить меня...

Ей бы поздороваться.

Извиниться за неподобающий внешний вид. И... и ее, между прочим, похитили! А еще того и гляди продадут. А она тут о внешности беспокоится.

Вода почему-то пошла рябью.

– Хорошо. – Шаман простер над водой руку, и та успокоилась.

– А молоко зачем? – не удержалась Эва.

– Пить. Люблю молоко.

– Вы?!

– Почему нет.

– Так. – Она вдруг поняла. – Вы... вы меня тоже слышите?! Можете?!

– Могу. И слышу. А теперь успокойся, пожалуйста. – Он глядел с бесконечным терпением. – Иначе или вернешься, или, что хуже, не вернешься. Ты давно научилась покидать тело?

– Давно. – Эва огляделась, раздумывая, как быть.

Стоять было неудобно.

Сидеть...

– Только я раньше покидала, а потом уже нет... после одного случая... моя сестра... – Она замялась. Все же не стоит вот так посвящать посторонних в семейные тайны.

– Потом, – кивнул Эдди. – А сейчас рассказывай.

– Что?

– Все. Ты знаешь, где находишься?

– Адрес – нет.

Она пыталась. Искала. Заглядывала повсюду в доме. В доме она могла ходить. И вне дома тоже, но почему-то только сюда.

– Ничего страшного, – поспешил заверить Эдди. – А описать можешь? Как этот дом выглядит? Или, может, людей, которые в нем живут? Там есть люди?

– Есть. – Эва все-таки опустила на пол. В конце концов, она и так выглядит ужасно, так чего ж теперь. Стоять перед ним было неловко. – Только... ту, старую хозяйку, ее убили. Сначала ее Берт проклял. Я узнала проклятье. А потом другая, которая Кэти, она ее задушила. А хозяйка хотела меня вернуть!

– Тише, девочка, не трать силы.

Эва почувствовала, что дрожит. А шаман сгреб дым, от свечей исходящий, и дунул им в Эву. Потом вытащил откуда-то совершенно жуткий с виду нож и полоснул им по запястью.

Да, не будь она призраком, точно упала бы в обморок.

Или нет?

Любопытно. А кровь у него обыкновенная, красная.

Дым окутал Эву, и... и стало легче. Правда, дым теперь пах вовсе не свечами, а чем-то совершенно незнакомым.

– А теперь постарайся вспомнить. Все, что сможешь. Про дом. Про этих женщин. Первую как звали?

– Не знаю. Она говорила, чтобы я называла ее Матушка Гри.

– Умница.

Никто никогда не хвалил Эву. Отец был вечно занят, а маменька пыталась создать из нее совершенство, но из-за полной несовершенности Эвы этого не получалось. Вот она и... растерялась.

– У нее еще рука была такая, ненастоящая... из железа! Я такие один раз видела! На выставке. Меня Берти водил...

– Отлично. А дом?

Дом?

Он ведь тоже такой – странный и ни на что не похожий. Но как это описать? Будь у нее краски или... Конечно! Тори ведь говорила, что в этом мире Эва может все. А...

– Ты увидишь? – поинтересовалась она. – Если я вот так...

Она провела пальцем по воздуху, представив себе, что это холст. А палец – кисть. И... получилось. Линия. А потом другая.

Ей всегда нравилось рисовать. Только получалось... в общем, не совсем так, как должно у девушки.

Мрачно.

Тоскливо.

Но дом, в который ее привезли, и вправду тосклив и мрачен.

– Берт не говорил, что ты настолько сильна.

Кто? Эва?

Она слабая.

Она... она даже не пыталась сбежать. Вот в одном романе юная наследница, пытаюсь спастись от нежеланного замужества, спустилась из окна по связанным простыням. Правда, у Эвы окно располагалось под самым потолком, и такое, что кошка не пролезет. Да и простыней ей столько не выдали, чтобы из них веревку связать.

– А с людьми можешь?

Может.

Портреты у нее тоже получалось мрачными.

– Умная девочка. – Он перехватил порез огромным мятым платком, который вполне соответствовал чудовищному облику шамана. – Ты очень помогла.

– Она все равно меня продаст! Устроит аукцион... – Это было говорить невероятно сложно. – Она сказала, что... что через два дня!

– Это целых два дня.

Эва помотала головой:

– Что мне делать?

– То же, что делала до сих пор. Сидеть очень и очень тихо. И отдыхать. Иди. Ты все же много сил потратила.

Он провел рукой над свечами, и те погасли.

– Иди уже, – повторил шаман, а потом дунул, и Эву будто ветром унесло.

Так нечестно!

Эдди вытер пот со лба.

Город.

В городе ему не нравилось. Категорически. Тесно. Шумно. Люди опять же. Много людей. Слишком много, и это нервировало.

Он поднялся, собрал огарки свечей и отправил их в глубокую посудину. А вот молоко оказалось неплохим. Не самым свежим, но и понятно, откуда тут по-настоящему свежему молоку взяться? Вон, и это-то с привкусом дыма и пыли.

Странное дело. Там, в Городе Мастеров тоже хватало. И дыма. И пыли.

И грязи.

А не раздражало. Матушка говорит, что это от предвзятости. Может, оно и так, но... Эдди пошевелил рукой, глядя на темную полоску свежего шрама. Одно хорошо: заживало на нем по-прежнему как на собаке.

Надо...

Надо бы позвать кого. Он огляделся и, увидав колокольчик, стоящий на махоньком столике – что за привычка наполнять комнаты такими пустыми и излишне хрупкими предметами? – потянулся к нему. Взял аккуратно, двумя пальцами, раздумывая, что сказать.

И стоит ли говорить?

Или...

Девушка цела. Это хорошо. Чересчур напуганной она тоже не кажется – стало быть, ничего такого, что могло бы произойти, не случилось. Это тоже хорошо.

А остальное...

Колокольчик звякнул, и одновременно задрожала струна Силы, уходящая куда-то вглубь дома. И дверь приоткрылась.

– Берти позови, – сказал Эдди слуге, вернув опустевший кувшин на стол. – И пожрать чего-нибудь принеси. Будь любезен.

Матушка бы не одобрила.

Матушка... оставалась в номере. Роскошном. Огромном. Но все одно. Сидела, читала газеты, которые ей доставила местная обслуга.

Не бесплатно.

Проклятье.

Деньги есть, но... надолго ли их хватит? А до портнихи так и не дошли. Потому что матушка читала. Газеты. Огромные стопки их теперь заполнили гостиницу. Казалось, она собрала все, что вышли за годы ее отсутствия. А когда Эдди постарался осторожно спросить, чего она в них ищет, только отмахнулась.

– Мне просто надо понять, что здесь происходит, – сказала она, почувствовав его обиду. – А у тебя, кажется, дело.

Дело.

Да чтоб его, это дело... Которое он, если боги снизойдут до Эдди, все-таки сделает, пусть даже и криво. Повезло девчонке. И ему тоже. Шаман недоученный... дед бы, верно, сразу понял бы.

Или нет?

А Эдди...

Дверь тихонько приоткрылась, потянуло душной темной Силой, от которой кулаки зачесались. Да и сам некромант ныне вызывал одно лишь желание: дать в морду.

Или это потому, что Милисента тоже заперлась, как и матушка? Правда, не в номерах, а в особняке. Отдыхает она. И встретиться никак не может. Когда будет готова, всенепременно почтит визитом. Ага. И лысый хрен, который это говорил, смотрел на Эдди с насмешечкой. А Чарли вовсе исчез.

Выходит, никому-то он, Эдди, особо не нужен?

А некромант так, под руку подвернулся.

– Ты выглядишь бледным, – заметил Бертрам. – Могу я чем-то помочь?

Эдди покачал головой.

– Пройдет. Сейчас пожрать принесут. Извини.

– Ничего. – Некромант протянул руку. И Эдди принял. Оперся. Закряхтел, как старик. – Удалось что-нибудь выяснить?

– Повезло. – Эдди разгибался медленно, пытаясь справиться и со слабостью, и с головокружением. А всего-то пару минут поговорил. – Она определенно жива. Вполне здорова.

– Погоди. Ты не будешь против, если я позову отца? Следовало бы сразу к нему обратиться, но... мы подумали, что сами справимся.

Эдди махнул рукой.

Да пусть хоть всех зовет. Какая разница?

Только бы...

– И пусть накрывают на стол. – Голос Бертрама звучал словно издалека. В голове шумело. Сильна девочка... если Эдди едва не пластом лежит, то ей и вовсе должно быть худо. Или нет?

Он свою Силу знает плохо.

А она?

– Твоя сестра, – Эдди так и стоял, опираясь обеими руками на столешницу... – у нее сильный Дар.

– У Эвы? Да... и у нее, и у Виктории, но... понимаешь. – Кажется, некромант несколько смутился. – Не то чтобы это вовсе какая-то запретная тема. Скорее, не принято об этом говорить. Тем более что Дар такой... своеобразный.

– Неприличный?

– Маменька полагает, что да. На самом деле, будь она мужчиной, многого добилась бы.

Эдди хмыкнул. И промолчал.

Пока.

Потом он очнулся уже за столом, осознав, что сидит и ест. И сидит давно. Ест... кажется, тоже давно. И что рядом сидит Берти.

И отец Берти.

И женщина в темном платье, чем-то весьма напоминающая матушку, должно быть взглядом, полным печали и мягкого упрека.

– Извините, – сказал Эдди, проглотив кусок чего-то сочного и кислого. – Сил много пришлось потратить, и... вот.

Слабое оправдание.

Женщина мяла в руках кружевной платок. И синие глаза ее наполнились слезами.

– Бертрам сказал, что вы... вы ее видели?

– Видел. – Плачущие женщины всегда ввергали Эдди в состояние, близкое к ужасу. – Не совсем ее. Дух. Ее дух покинул тело.

– Опять... – выдохнула женщина.

– Мама! – с упреком произнес Бертрам.

– Да, да... прошу прощения... я... она... моя дочь...

– Она жива, – поспешил заверить Эдди. – Напугана, но жива.

Бертрам с отцом переглянулись.

– Пока она находится в относительной безопасности.

– Что с ней...

– Ее держат взаперти, но не бьют, не обижают. Кормят.

Эдди не знал, что еще сказать, чтобы успокоить женщину. Та прижала кружевной платок к глазам и вздохнула.

– Благодарю, – произнесла она мягко. – Вы... вы меня порадовали. И если моя дочь... вернется... я этого не забуду.

– Думаю, теперь найти ее будет многим легче. – Эдди покосился на тарелку, на которой еще лежал кусок мяса. Рядом высилась горка вареного гороха. – Да и...

Он запнулся, не зная, стоит ли говорить.

Но укоризненный взгляд заставил вздохнуть. Снова.

– Я смогу до нее дотянуться. Не физически. Скорее уж речь идет о тонком мире. Хотя... я в нем не особо... случалось бывать, но вот так, чтобы практика, ее не было.

– Я в вас верю, – сказала женщина тоном, не терпящим возражений. – Пойду. Нужно приготовить комнату. И врач... уверена, что Эве просто необходим будет целитель.

Она ушла.

И дышать сразу стало как-то легче.

– Ешь, – сказал Бертрам. – И рассказывай.

Эдди так и сделал.

Глава 13, где разговор идет о крепкой родственной любви

Завтрак.

Завтрак – это... это утро. Очередное. Столовая, которая слишком велика, чтобы чувствовать себя в ней хоть сколько-нибудь уютно. Мрачно-торжественная маменька Чарльза. И хмурая, не скрывающая раздражения сестра его. Она, в отличие от свекрови, делала вид, что вовсе меня не замечает.

Это злило.

Несказанно.

Как и отсутствие нормальной еды. Ну вот разве человек, который голоден, насытится двумя ложками овсянки и сухой корочкой хлеба, по которой слегка мазнули маслом?

Чай бледный.

Молоко пахнет гарью. А паче того давит на нервы тишина.

– Вижу, – свекровь решила первой ее нарушить, – сегодня вы решили одеться прилично. И губы поджала.

Долго она мне еще будет вспоминать тот выход.

Сестрица отвернулась и тоже губы куриной жопой сложила. А ведь похожи они. И от этой схожести прямо дрожь берет.

– Доброе утро! – Я плюхнулась на стул и вздохнула.

Прилично...

Скорее уж... В общем, в тот раз я и вправду переборщила слегка, если подумать. Даже в наших диких краях я к обеду переодевалась в платье. А тогда в брюках пришла. Позлить думала.

Позлила.

Вышел скандал. С обмороком. И приказом удалиться, которому я с превеликой охотой последовала. Так она еще потом Чарльзу пожаловалась. Уж не знаю, чего наговорила, но он был недоволен.

И я.

И... поругались. А потом помирились. И опять поругались, правда, на следующий день, когда он вновь изволил явиться, а я спросила, где это его демоны носили всю-то ночь.

Он ответил.

Я тоже не сдержалась. И вместо того, чтобы помириться, поругались того сильнее. Честно, сама не понимаю, как оно получилось, что мы разошлись по разным комнатам. И замолчали.

Дураки, что с нас взять.

Так и повелось. Он пропадает. Я злюсь. Он появляется, я злюсь еще больше. И ничего хорошего с этой злости не выходит, понимаю же, а успокоиться не могу.

Завтрак наконец подали.

Овсянку. С маслом, что растекалось по горке желтоватой жижицей. И тот же подсушенный хлеб. И чай, который больше на помой похож, потому как бледный, безвкусный. Оттого в него и льют молоко, чтоб хоть чего-то было.

– Мой сын снова изволил ночевать в другом месте? – вежливо осведомилась свекровь. И главное, не пытается же скрыть, что рада.

Ага.

Чему?

Тому, что Чарли в очередную авантюру вляпался? Придворная служба... в записке, которую муженек соизволил прислать, о ней говорилось. А я вот взяла и поверила, что именно она, служба, и виноватая – такая, которая ночью. Ну-ну, это он пусть кому из местных девиц на уши вешает. Я ведь чую, чем от него пахнет.

Сигарами.

И виски. Еще слабо-слабо, но все-таки – духами, такими ядреными, вроде тех, что шлюхи Бетти любили, чтоб, значит, перебивало напрочь запах немытого тела.

Кабы были духи какие другие или только виски от него несло, я бы подумала... ну, про то, что он ничем-то от папашки моего не отличается.

Честно говоря, сперва даже так и подумала. А потом... потом просто поняла, что в жизни такой чистоплюй с немытой девкой не свяжется. Чарльз если и найдет шлюху, то из тех, что почти приличными притворяются. Поняла и... не успокоилась. Потому как выходило, что вляпался муженек в очередную историю, если вовсе не вознамерился подвиг совершить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.